

**НАТАЛЬЯ
РЕЗАНОВА**

**КРУТОМ
ОДНИ ПРИНЦЕССЫ**

Наталья Владимировна Резанова
Кругом одни принцессы
Серия «Принцесса», книга 1

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128263
Кругом одни принцессы: АСТ, Ермак; Москва; 2005
ISBN 5-17-028502-7, 5-9577-1760-6*

Аннотация

Судьба сказочной принцессы трудна – а порой чревата и реальными проблемами!
Сидела в башне.
Ждала принца-избавителя.
Дождалась!
А теперь сказки кончились.
Началась жизнь.
Работа телохранительницей у дракона...
Контракт на добывание заколдованного меча Рубило.
Путь через темные леса между градами Кидаловом и Мочиловом. схватки бандой
Бешеных Бабок, разборки с обитателями странного Даунтауна...
И вообще – прелести эмансипации и равноправия полной ложкой!..

Содержание

Часть первая, по совместительству исполняющая роль пролога	4
Часть вторая, хотя на самом деле первая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Наталья Владимировна Резанова

Кругом одни принцессы

Часть первая, по совместительству исполняющая роль пролога В ДРУГОМ БОЛОТЕ

*Маленькая девочка, лет пяти-шести, сочинила такую сказочку:
«Жили-были петушок и курочка. Все они жили, жили, жили... Один раз
курочка ушла в болото и потерялась. Петушок пошел ее искать. Искал,
искал, искал... А курочка была в другом болоте...»
В. Я. Пропт. Русская сказка*

Смерть – не трагический финал. Трагический финал – отсутствие смерти. Ибо смерть есть необходимое условие жизни. Иначе наступит бесконечная протяженность без времени и воли. Истинно говорю вам: бояться смерти так же бессмысленно, как бояться жизни. Это – одно и то же. Мы в состоянии победить протяженность, хотя не можем уйти от повторяемости. In my end is my beginning. In my beginning is my end.¹ А теперь – кругом, вшивые морды! Лечь! Встать! Лечь! Встать! Брюхо убрать! Как держишься, паскуда, ты у меня плац рылом будешь рыть! На то оно и рыло. Лечь! Встать! На месте бегом – арш! Вольно. Перекур.

Ну да, именно так все и было, как рассказывают. Примерно так. Слышу – стражники в коридоре хрипят, дверь распаивается под вопли: «Пало царство черного Габунда! Вы свободны, принцесса, выходите!» И появляется Он. Морда – за три дня конем не объедешь, лобик узенький, челюсть – с письменный стол, и разит от него хуже, чем от скотины. Герой, одним словом.

– Спасибо, – говорю я, стараясь не вляпаться в кровь, которая течет по коридору. – Зря вы, однако, так круто. Стражники по большей части люди семейные. Теперь пенсию вдовам и сиротам выплачивать...

Смотрю – не понимает. Ни единого слова. И вообще ждет чего-то другого.

– Ну пошли, – говорю.

Выходим мы из башни, и тут встречают нас восхищенные толпы и, слава Богу, оттирают меня от моего спасителя. А у меня, стало быть, остается время подумать.

До сих пор не знаю, чем и как он замочил Габунда. То ли старикашка, как увидел его, лопнул со смеху, то ли они поспорили, кто кого перепьет, и Габунд проиграл.

Короче, возвращаюсь я в свои апартаменты, моюсь, чищусь, переодеваюсь. Смотрю – герой тем временем распоряжается во дворце как у себя дома, и, похоже, никому в голову не приходит ему возразить.

Вызываю его – а разговаривала я с ним вежливо, и это была моя большая ошибка, слов нет, как люди неверно истолковывают нормальную вежливость, поэтому, наверно, ее так редко применяют, – говорю: так мол и так, уважаемый герой, вам положена награда, ступайте в сокровищницу и выбирайте себе что угодно.

Что он слишком много нахапает, я не боялась – уже успела проверить ресурсы и просчитала, что на некоторые траты государственная казна пока способна.

Он глазки выпучил и говорит:

¹ В моем конце – мое начало. В моем начале – мой конец.

– Не этой награды я ожидаю.

– А какой?

Он сально ухмыляется.

– Какой положено.

Я прикидываюсь дурочкой.

– А какой положено? И, кстати, кем положено, кому и куда?

– Как это? Ваша рука и корона.

– С чего бы? Я никому за свое спасение награды не предлагала. И батюшка мой, упокой, Господи, его душу, тоже, поскольку усоп до того, как Габунд власть захватил.

А герой не унимается, и на роже его – искреннее возмущение: принято, мол, так. А меня пресловутая вежливость подвела – вместо того, чтобы спросить: «Ты когда в последний раз ноги мыл, милый?» – говорю: «Надо, стало быть, с министрами посоветоваться». Я, дура, и впрямь надеялась, что они мне посоветуют, как от жениха отвязаться.

...Конечно, знаю, что не красавица. А тогда, кстати, была еще хуже. Бледная, как поганка. Пятилетнее сидение в башне – оно никого не красит. Ну и что?

А министры – наоборот. Полный наоборот, козлы! Проблема, якобы, с престолонаследием разрешилась сама собой. И народ туда же, ликует. Вот пришел настоящий мужчина, не то что этот чахлый маг, теперь уж заживем! А про то, что Габунд хотя и сволочь был, и узурпатор, и меня угнетал, а правил дельно, и государственную казну оставил полной под завязку – забыли. И про то, что законная наследница престола – это я, тоже забыли, причем напрочь. Короче, я была близка к тому, чтобы заявить: «Спасибо, я лучше обратно в башню». Остановило меня то, что сидением в башне теперь явно было не отделаться. Габунд был гад не из самых крупных, на мою персону ему было наплевать, потому как только власть обо-жал, а заточил все же не в темницу, и харч был приличный, и книги из дворцовой библиотеки приносили. А тут... Мерещилось мне только два выхода – либо в пруд, либо в монастырь. Но как-то они мне не очень нравились. Выбрала я все же пруд – но не в том смысле, что бросилась туда, а разыграла классический сценарий. Платье там сложенное, туфельки пла-вают среди кувшинок, а сама – лесом, лесом и до границы.

Ответственность? Не вешайте мне лапшу на уши! Кто-нибудь из моих любезных под-данных шевельнулся, когда Габунд захватил престол и заточил меня? Нет, они сидели и ждали, когда придет герой. В одной книжке, которую я прочитала в башне, были такие слова: «Каждый народ получает такого правителя, какого заслуживает». Пусть и жрут теперь сво-его героя, пока блевать не начнут!

Откуда слов таких нахваталась? Все оттуда же, из башни. Как стражники за дверью лаяться начнут, поневоле весь лексикон выучишь.

Ладно. До самой границы особых приключений со мной не приключалось. Только как-то раз на тропинке наскочил на меня то ли герой какой, то ли бандит. Хотел ли он меня убить, ограбить, или еще чего, и в каком порядке – не знаю, он не предупреждал. Просто бросился. Я успела только кулак выставить, и он на него налетел. И упал. Смотрю – а он мертвый. То ли о камень придорожный голову разбил, то ли что... Мышцы-то? Да уж тогда были примерно такие. Мы грамотные, знаем, как от неподвижной жизни можно разжиреть даже при скромных харчах. Поэтому все пять лет я старательно отжималась и поднимала тяжести. Под конец приноровилась отдирать стол от пола, а он был дубовый и к полу привинчен.

Короче, забрала я у покойника кошелек, вещички кое-какие и меч, конечно. Для одного только фасона. Мускулы мускулами, а драться я тогда не умела. Тем более на мечах. Это уж после, когда я служила в МГБ... Но я забегаю вперед.

Итак, оказалась я на соседской территории. Иду себе и вижу: лужок, в отдалении пасутся овцы, в приближении – свиньи, а на первом плане стоит в задумчивости молодая девица. Хорошенькая. Глаза голубые, кудряшки золотые, кожа белая, и платье на ней совсем

не крестьянское. Обувка тоже. Хотя обувка уже почти совсем развалилась, для пешего хода не приспособлена. Я подхожу поближе – может, заблудилась, думаю? А она, завидев меня, заливается слезами. Неужто, думаю, я такая страшная стала? Но оказалась, не в том дело. Девица кинулась ко мне, как к родной, и начала излагать: она-де, дочка здешнего короля, каковой женился на женщине злой и уродливой, а у нее две дочки, такие же злыдни и уродины, как мамаша, и так они совместно мучают ее и угнетают – вот мачеха сослала ее свиней пасти... И плачет, и слезами заливается, совершенно искренне притом... Но меня почему-то кушают сомнения. Поскольку где-то я все это уже слышала. Или читала. И вообще я в злых мачехах не верю. Меня саму мачеха вырастила, и лучше женщины я не встречала. Конечно, мачеха может оказаться злобной бабищей, но с таким же успехом ею может быть и родная мать. И потом, даже самая окаянная мачеха не пошлет падчерицу пасти свиней в кружевном платье и атласных башмачках.

В тот день я сговорила с одной старушкой, чтоб переночевать у нее в хижине – она к детям на пару дней уезжала. В уплату я обязалась набрать ей хвороста. В ту хижину девицу я и отвела.

Говорю ей: отдохни пока, а я раздобуду чего-нибудь поесть. Оделась в старушкину рогожку, замоталась платком, меч засунула в середину вязанки хвороста и водрузила ее себе на спину.

Прихожу в город, а там – батюшки светы! – дым коромыслом. В чем дело, господа хорошие, спрашиваю? Опять, говорят мне господа хорошие, дочка королевская пропала, отец с матерью с ног сбились, ищут. А сестры? – продолжаю я и углубляю. – Ты что, тетка, спятила? – отвечают. – Два брата у нее, старших, и никаких сестер.

Являюсь во дворец и заявляю:

– Я, бедная странница, прослышала о ваших несчастьях, не могу ли чем помочь?

Лично я бы таких заявителей гнала бы в шею. Но мне навстречу выходит вся семья. Папа с мамою, и два лба здоровых – братцы. То, что это не мачеха, видно с первого взгляда – похожи очень, только вид у королевы совершенно умученный. И от отчаяния готова она цепляться за любую соломинку. За меня, стало быть. Вернете, мол, нашу дочку, уверяет, и просите любой награды.

А есть ли, говорю, у дочки вашей какие либо особые приметы? Причем помимо внешних. Мамаша тут заплакала, и принялась пить настойку кошачьей травы, старший брат заскрежетал зубами, младший повесил голову, а папа-король мужественно произнес:

– Девочка наша всем удалась – и красавица, и умница, и воспитания отменного, но имеет один недостаток – любит убежать из дому и страшная выдумщица.

– Это два недостатка, – замечаю я.

– Врет она постоянно! – гавкает старший брат, и стучает кулаком по столу. А матушка вновь начинает глотать настойку.

– Придумывает, – уточняет младший.

– О Господи, чего только она не нагородит, бывало, – вздыхает папа. – И ведь, главное, сама верит... Люди на нас как на чудищ каких смотрят...

– Ладно, – говорю, – сдастся мне, что я в силах вам помочь. Только вот что...

– Денег, что ли? – подозрительно спрашивает старший принц. И осуждать его трудно – видно, многократно накалывался человек.

– Зачем же денег? Дайте мне этот флакон с кошачьей травой. Весь. Бутылку вина послаще, хересу или мадеры, что ли, и плюшек каких-нибудь...

Они удивились таким запросам, но исполнили их. А по дороге я в одном саду еще и паданцев насобираала. Вернувшись в избушку, объясняю принцессе: сейчас вечерять будем, наливаю в кружки вино,ставляю еду, в ее кружку опрастываю вдобавок почти весь флакон с настойкой, а чтоб окончательно вкус отбить, если всей сласти недостаточно, подсовываю

ей яблоко побольше и посочнее. Принцесса винишко выпила, яблочко схрупала, и вскорости ее сморило. Тогда я взвалила ее на плечо и потащила во дворец. Хворост, конечно, оставить пришлось, и старушкину душегрейку тоже, иначе бы я совсем взопрела. А меч пристегнула к поясу, чтоб не мешался.

Вернула я беглую принцессу родителям – радости было! Уложили ее в собственную кровать – хрустальную, с пуховой перинкой – ну, думаю, и наплетет она историй, когда проснется! А меня пригласили отужинать, уже по-настоящему. Только младший принц, который днем больше помалкивал, полюбопытствовал:

– А что это вы с утра были на два локтя пониже и лет на тридцать постарше?

– Я, – говорю, – фея-крестная, как хочу, так и выгляжу.

– А что это, – не унимается он, – вы, фея, меч с собою таскаете?

– А это, говорю, – у меня волшебный посох такой, в оригинальном исполнении.

Сидим, ужинаем. Родители принцессы, хлебнув уже не хересу, и не под плюшки (прочие, правда, не отставали), на жизнь жалуются, спрашивают, что с дочкой делать.

– Замуж, – говорю, – ее надо при таких замашках.

– А как замуж? – вопрошает король. – За подданного – как-то неподобно. А принцам все наследниц подавай. У нас же, сами видите, два сына, и старшенький уже женат, у него у самого дети, так что, хотя приданым мы доченьку не обидим, унаследовать королевство ей вряд ли светит.

– А вот в соседнем королевстве, – вскользь бросаю я, – недавно неженатый король объявился. Конечно, с лица он не больно хорош, да и умом не блещет...

Но они последних моих слов не слышат, потому как ликуют.

Отликовав, они, как честные люди, предложили мне награду. Скромно так – вы, феи, конечно, видали и похлеще, но – чем богаты...

– Может, останетесь? – спрашивает младший принц.

– Нет, – говорю. – Неотложные дела призывают. – Поскольку, когда они раскусят, кого я им сосватала, желательно мне оказаться от дворца и от королевства как можно дальше.

Награду, правда, я от них взяла. Частично наличными, частично чеками на предъявителя в «Магический банк Голдмана» – у них повсюду филиалы есть. А также коня. И тронулась себе дальше, с возможной скоростью и хоронясь от людей по-прежнему. Одинокую девушку обидеть всякий норовит, особенно если при ней кошелек и хорошая лошадь. Проехала это королевство, а потом еще одно, и еще, и оказалась на Ближнедальном Востоке. Потом я не раз там бывала, но про это – на других перекурах. А покамест скажу, что стран там великое множество.

Государство, куда я попала, было басурманское. Правда, оно не шибко отличалось от виденных мной прежде. Называлось оно на басурманском языке султанат, и, правил там, угадали, султан. С ним мне знакомиться никакого интереса не было, и решила я передохнуть. Сняла себе домик с садом, прислуги не держала, за покупками ходила сама. И вот однажды возвращаюсь я с базара – и вижу: у дувала, что вокруг сада моего, сидит молодой человек и рыдья рыдает. И призывает кары небесные на тех, кто не имел никакого сострадания к его горю, страшней которого нет на свете. Мне бы мимо пройти, а черт дернул спросить:

– Что за горе такое?

– Выслушай мою историю, – говорит, – о дочь своей матери, и если сердце у тебя не разорвется, значит, в груди у тебя камень!

Зашли мы в сад, я, как хорошая хозяйка, выставила пожевать и запить, и он начал:

– Ты, может быть, не поверишь, видя мое нынешнее жалкое состояние, что я – единственный сын шаха некоей отдаленной страны...

– В это я как раз поверить могу, – проворчала я, но он не слушал.

– Я взрастал на груди у отца в неге и холе, но, войдя в совершенный возраст, поддался страсти к путешествиям и упросил разрешения посетить иные края. Везде, где останавливался я, бывал могучим потоком на ристалище щедрости, ибо отец дал мне с собою сокровища, достойные шахзаде. Так было и в султанате. Всех кругом оделял я золотом и одеяниями, богатым давал милостыню, а бедным – подарки. И однажды, когда киноварь лучей вознесла знамена над зубцами столпов земли, когда румийская рать отвоевала день у сжигающих мир эфиопов...

– Погоди-погоди, я чего-то не понимаю...

– Так вот, однажды утром, прогуливаясь по улице, я увидел дочь султана, которую на носилках несли в баню. О, если б ты знала, о незнакомка, как прекрасна эта дева, подобная тысяче кумиров! Голова у нее круглая, щеки точно розы, шея короткая, на нее ста складочками ложится двойной подбородок. И пупок ее подобен чаше для благовоний, и бедра – словно два одnogорбых верблюда, и ноги, как концы курдюка, и она не могла ни стоять, ни ходить из-за своей изнеженности. О чужеземка! По лицу твоему вижу, что один лишь мой рассказ о ее красоте поразил тебя до глубины души, а если бы ты видела ее воочию, как видел я! Преграда встала между мною и моим разумом, и разгорелась во мне любовь, весьма великая. Я решил посвататься к деве, ибо род мой знатен и я не выскочка. Но горе мне! Вот что я узнал. У царевны есть нянька, некрасивая и нечестивая, злонравная и злоречивая, да еще и зловредная, но весьма искусная в чародействе, так что и султан, и все его поданные в ее руках, а о девушке и поминать не стоит. И вот какой закон положила нянька-злодейка. Каждый, кто к царевне сватается, должен выполнить три условия. Первое – необъезженного коня объездить, второе – победить могучего воина, и третье – отгадать загадку. А кто не справится – тех злодейка-нянька в темницу сажает и выкуп требует. А кто не сможет заплатить – тому голову долой!

Что ж, он меня не слишком удивил. Условия были не самые редкие, можно сказать – нормальные. А то, бывает, и выкупа не спрашивают, сразу казнят. Нет, здесь нравы были мягкие. Единственное, что меня смущало – нянька-чародейка. Всякие люди, бывает, власть в королевстве забирают, но чтоб нянька?

Шахзаде продолжал:

– Узнав о таком коварстве, я впал во тьму отчаяния. И тогда мой брат решил исполнить условия вместо меня.

– Какой брат? Ни о каком брате раньше речи не было.

– Старший сын моей матери от первого мужа. Он путешествовал со мной.

– Что ж ты сам не пошел на испытания?

– Мой брат, хоть и схож со мной лицом, но телом весьма груб и крепок, ибо воспитывался как воин, а не наследник престола. А я... это самое... из-за своей изнеженности... – Он тяжело вздохнул. – И коня он укротил, и воина победил, а загадку угадать, что султану нянька-злодейка подсказала, не смог. И повлекли его в темницу, требуя выкуп...

– Так ты заплати!

– А не осталось ничего... я же говорил... бурный поток щедрости... даже гонца к шаху послать не на что... И плачу я целыми днями, ибо никогда не соединюсь я с владычицей красоты, позорящей луны!

– Насчет владычицы – это твои проблемы. А вот с братом нехорошо получилось. Если ты не заплатишь, его казнят?

– Истинно так. Предадут мечу гнева.

– Надобно попробовать его выручить.

– Ты сказала! Ибо говорят: «Помогай своему брату, независимо от того, насилуют ли его, или он сам насильничает». Спаси его. Благородство – достояние мужей благородных, но коли женщина благородно поступает, не хуже мужчины бывает.

Ладно. Если б этот брат действовал за себя, я бы пальцем не шевельнула. Кто играет, должен платить проигрыш. Но он ведь за другого головой рисковал!

Напролом я не поперла. Принарядилась, благо деньги еще оставались, меч под плащ запрятала – под тамошний женский наряд целый арсенал схватить можно. И заявила во дворец. Мол, я чужеземная принцесса, хочу царевне визит нанести. Что чистая правда.

Проводили меня к царевне, и начали мы с ней пировать под звуки нудной местной музыки. Дочка султана оказалась не такой жирномясой, как следовало из рассказа шахзаде. Хотя, конечно, толстая была. А что поделать – целыми днями сласти да мучное! У них считалось – чем толще, тем красивей, и у женщин из знатных семей рацион был соответственный. А пили они, похоже, по собственному почину. Вот тоже странность – басурманский закон вино запрещает. Ну, все нарушают помаленьку. Однако женщины – не беднячки, а побогаче и познатнее – хлещут винище хуже, чем меченосцы какие-нибудь. Может, у них в гаремах других развлечений нету? Или от сладкого и жирного в глотке сухость? Короче, царевна махала чарку за чаркой. Я, пользуясь таким случаем, попыталась к ней подъехать с расспросами. Очень, говорю, интересуюсь вашей знаменитой нянькой-чародейкой. Хотелось бы побеседовать, опыт перенять... Царевна отвечает: няньки, мол, нет сейчас во дворце и вообще в городе. Она уехала надолго, и когда будет – неизвестно. А сама при этом запинаясь, и, невооруженным глазом видно, что врет. И чего-то боится. Чувствую – подозрения мои подтверждаются. И, пока царевна не успела окончательно окосеть и отрубиться, продолжаю.

– А говорили, будто нянька-чародейка темницу с женихами денно и ночью стережет неустанно. Не боится ли светлый султан, что без нее узники убегут?

– Этого, – говорит она, – опасаться не следует. Темница – вот она, – и на пристройку показывает. – Один лишь внутренний двор ее от дворца отделяет, и пересечь тот двор никому чужому невозможно, ибо бродят там стражи особые, четвероногие, шерстью покрытые...

– Это собаки, что ли? – удивляюсь я, потому что нигде здесь собак не видела.

– Нет! – она аж плюнула. – Не держим мы этих гнусных, ибо сказал пророк – мир ему! – «Ангел не войдет в дом, где живет собака». А держим мы котов, но не простых, а бойцовых, с когтями, как лезвия ножей, и терзают они всякого нарушителя спокойствия...

И с этими словами она заваливается набок и начинает храпеть. Что никого из рабынь и евнухов не удивляет – они и сами уже набрались до бровей. А я сижу и шарю по карманам. И нахожу там один предмет, который заваялся с предыдущего королевства. Один раз он мне послужил, думаю, и теперь в дело пойдет. Вылезаю я в окно идвигаю себе по карнизу. Вижу – в одном окне свет горит, не все во дворце уснули, значит. Вжалась я в стенку, ползу потихонечку, прислушиваюсь, приглядываюсь. А это были аккурат султанские покои. И сам повелитель – приходилось мне его видеть прежде – сидит и денежки считает. И хихикает при этом прегнусно.

– Вот и еще за одного царевича выкуп пришел... Благо моему уму, светлому, ясному, когда я всю эту историю с нянькой выдумал. Теперь на нее все свалить можно, дела нет, что давно померла, а я завсегда буду в белых шальварах...

Что-то подобное я и предполагала. Ах, думаю, скотина, устрою я тебе развлечение. И себе заодно. И, добравшись до двора перед тюрьмой, вынимаю из кармана бутылек с остатками кошачьей травы, и швыряю ее этим самым шерстистым стражам.

Что тут началось! Клянусь, такого кошачьего концерта не было от основания царства. Вся дворцовая стража помчалась успокаивать котов, но особого успеха они не добились, зато шуму добавили. Все бегают, орут, факелами машут – красота! Под общую суматоху пробралась я в тюрьму. Не в темницу, как они все выражались, заметьте. Вполне приличное было помещение. Смотрю – сидят штук восемь голубчиков на софах, но в кандалах.

– Который тут, – кричу я с порога, – брат шахзаде?

И семеро дружно ткнули пальчиками в одного и хором завопили:

– Он!

А этот один побледнел и голову в плечи вжал. Я же меч успела из-под тряпок выволочь, и они, не иначе, решили, что буду убивать.

Порубила я на них все оковы, взяла брата шахзадовского за шкурку и говорю:

– Этот со мной, остальные своим ходом.

Порскнули они в стороны – только их и видели. А спасенного пришлось волочь – никак до него не доходило, что я его к брату веду.

Шахзаде тем временем окопался у меня в доме. Возвращаемся мы, кидаю я недавнего узника в его объятия.

– Вот тебе твой брат, получи.

– А царевна где? – спрашивает он.

– Ну ты и наглец! Все тебе сразу и за так. О царевне уговора не было.

Он бухается на колени и начинает умолять доставить ему еще и царевну. А он в долгу не останется, даст мне сто кошель золотом, по тысяче динаров в каждом, и сто жемчужных ожерелий...

Надо было послать его подальше, да поиздержалась я в этом султанате, пусть, думаю, не сто кошель, а два-три да жемчуга стакан мне не помешают.

– Ладно, – говорю. – Только испытаний за тебя проходить я не буду. Сделаем по-моему.

И, когда ночная тьма обратилась в бегство перед ясным днем... тьфу, черт, этот ориентальный стиль привязчивей холеры... утром я снова пришла во дворец, благо царевна еще не проспалась. Явилась прямо к султану. Не стала ходить вокруг да около, а сразу сказала:

– Выдавай, султан, дочку за шахзаде, не то всем станет известно, что никакой няньки-колдуньи на свете нет. И не вздумай стражу кликать. В городе правда кой-кому известна, прикончишь меня, они ее на волю выпустят...

Зловредный старикашка почесал в тюрбане, потряс бородашкой.

– Так тому и быть. Все равно когда-то надо ее замуж выдавать. От дочерей одни хлопоты и никакой радости. Недаром сложено изречение: «Дочь схоронить – хорошо поступить».

Послали за шахзаде, и султан обещался сделать его своим зятем. Семь дней и семь ночей длился свадебный пир, а на исходе его я сказала шахзаде:

– Теперь выполняй свое обещание.

– Какое обещание? – заявляет он. – Я не знаю тебя, о наглая!

– Эй, султан! – говорю. – А также везиры, надимы, хаджибы и гулямы! Этот человек обещался наградить меня, если я спасу его брата и сосватаю царевну, а теперь отрекается от своих слов. Хорошо ли это?

– Правду ли говорит чужеземка? – спрашивает султан. – Отвечай, и будешь судим по справедливости.

– О повелитель! – возопил шахзаде. – Женщинам присуща хитрость, ущербные разумом коварны. Нельзя проливать кровь обиженных, полагаясь только на слова женщин. Не следует из-за их лживых речей вздывать пыль насилия.

Султан быстро смекнул, что со стороны зятя разоблачение ему не грозит. Вскочил, указал на меня перстом и заблажил:

– Смотрите, правоверные! Вот она – злодейка-нянька чародейка! Взять ее!

Никто тут разбираться, с чего вдруг чужеземная принцесса злодейкой-нянькой оказалась, не стал. Навалились на меня со всех сторон, отметили от души... Тогда-то мне нос и сломали, да... А потом поволокли в зиндан. А зиндан, доложу я вам, такое место, по сравнению с которым тюрьма, где женихи сидели, – курорт. Да что там курорт – райский сад. Что? Брат шахзаде? В мою защиту? Да вы смеетесь, что ли?

В темнице меня засунули в колодки и стали требовать, чтоб я сказала, куда подевала золото, полученное в виде выкупа. Этого я им, конечно, сказать не могла, и все дивились моей злокозненности, и били меня по ребрам. По прошествии некоторого времени, отчаявшись, приговорили меня к виселице с последующим побиванием камнями. И отвели меня на окраину города, и вздернули на виселицу...

Почему жива? Для тупых объясняю. Побивать камнями нужно живого человека, иначе какое ж удовольствие? Виселица в данном случае была аналогом нашего позорного столба. Ременную петлю продевали подмышки. Так я должна была провисеть день и ночь, а процедура побивания камнями назначена была на следующее утро.

К ночи любопытствующие разошлись, а я осталась висеть... Что, помощь вовремя подоспела?

Вот что – зарубите себе как ежедневную молитву: помощь никогда не приходит вовремя. Помощь вообще никогда не приходит.

Итак, настала ночь. И рядом со мной остался лишь стражник у подножия виселицы. И я начала громко сетовать и просить прощения у неба за то, что пожадничала и не рассказала, когда спрашивали, где спрятаны награбленные мной сокровища, а ведь это совсем недалеко отсюда...

Совершенно верно. Уловка старше, чем дедушка Мафусаила. Но она сработала. Я сказала стражнику, что клад спрятан на кладбище (виселица стояла как раз супротив оно), а где – могу найти только я. Он снял меня, связал руки за спиной и повел, держа нож приставленным к моему горлу.

Жадность стражника сгубила. Он не учел, что руки в таком положении заняты и у него тоже. Как только мы зашли на поле скорби, я ударила его головой в подбородок, да так, что он вырубился. Нож выпал, я высвободила руки и перерезала стражнику глотку. Понимаю, что он не виноват, да и вообще фигура условная, но до султана с шахзаде в тот момент я дотянуться не могла. Затем я прихватила его оружие, сумку и флягу. На том силы мои и кончились. Я доползла до какой-то гробницы, забралась туда и потеряла сознание.

Не знаю, сколько дней я не выбиралась оттуда. Отлеживалась, залечивала раны, ожоги и сломанные ребра. К счастью, в сумке нашлась какая-то жратва. Меня, разумеется, искали, но их нелюбовь к собакам сослужила мне хорошую службу. Иначе бы меня непременно обнаружили. А так – пришлось сочинить байку, будто ведьму утащили джинны и разорвали на тысячу кусков.

Но пребывание в подполье не могло длиться вечно. Однажды я очнулась от топота, треска и хоровых воплей: «Наше вино – кровь врагов, наш кебаб – печень врагов!» Оказалось, на султанат напал соседний халифат. Разумней всего в данной ситуации было не высываться. Было у меня предчувствие, что воины халифата победят. Так и случилось, да благословит их пророк! И я сидела, наблюдая в отдалении зарево над городом, как аккуратно над моей гробницей раздались голоса, и слышалось в них нечто знакомое.

– Отдай, о гнусный, о сын собаки!

– Сам сын собаки и пес смердящий!

– Я повелитель этой страны, ковер принадлежал моим предкам и мой по праву!

– Ты повелитель кладбищенских червей! А я еще слишком молод, чтобы умирать!

Я выглянула наружу. Так и есть. Султан и шахзаде, запыхавшись от поспешного бега, вырывали друг у друга нечто, напоминающее свернутый в трубку ковер.

– Отдай! Потом я пришлю тебе ковер с верными людьми!

– О безбожник! Как будто тебе неизвестно, что ковер этот одноразового использования!

И, прежде чем я успела что-то предпринять, они одновременно выхватили из-за кушаков кинжалы и вонзили друг другу в животы. И пали замертво. А ковер достался мне. Это,

по меньшей мере, справедливо, не правда ли? Я взгромоздилась на самолет, скомандовала: «Как можно дальше», и покинула султанат.

Что стало с бедной толстухой, не знаю. Надеюсь, попала в какой-нибудь хороший гарем. Учтите, я вообще не против гаремов. Гарем сам по себе не так уж плох, и всяко лучше зиндана.

Ковер в самом деле оказался одноразовый. После приземления он незамедлительно расползся на волокна. Я об этом не жалела. Удовольствие от полета было ниже среднего. Холод собачий, ветер пробирает до костей, а болтанка! У меня желудок наизнанку вывернулся и в узел связался. Так что запомните – ковром-самолетом пользуются только при крайней необходимости. А я с тех пор летать ненавижу хуже горькой редьки.

Я приземлилась по соседству с каким-то городом. Это неплохо – в городе легче добыть пропитание. Но добрые люди шарахались от меня с криками ужаса. Их можно понять – вся в шрамах, от одежды одни лохмотья, за поясом – ятаган. И я направилась искать заведение с дурной славой. Лишь в таком меня могли обеспечить кредитом.

Трактир назывался «У дуры», из-за того что его хозяйка любила по всякому поводу приговаривать: «Дура я, дура». Собирались там нищие, бродяги и воры. Ко мне в этом достойном заведении отнеслись с уважением, и я решила перекантоваться здесь некоторое время, пока не осмотрюсь.

Среди постояльцев мое внимание привлекли две нищелюбки в интересных туфлях из лыковой коры. Оказалось, они родом из еще более дальних краев, чем я. Где-то между Гонорией и Поволчьем были их отчизны. Разговорились мы с ними, и выяснилось, все трое – одного полета птицы. Одна была княжной, другая королевной. И обеим крепко не повезло.

У одной папаша был очень бедный князь, ну просто нищий. А дочка при том обожала животных. Сами знаете – из тех, что всех бездомных собак тащат в терем и всех прилудных котят. Дошло до того, что у одного мужика змею выкупила – последние серьги отдала, – когда он гадюке голову о камень разбить собирался. И притащила в свой зверюшник. По-моему, это крайность. Но змея оказалась благодарнее многих людей, подарила княжне волшебное кольцо, такой канал доставки материальных благ. Князь-папаша разбогател, построил каменные хоромы, набил погреба золотом, а дочку отдал за царя. Да на помолвке по пьянке и похвастался: вот она у меня какая душечка, сердце золотое, скотинку бессловесную пожалела... и про кольцо наплел. Царь на то – желаю, чтоб кольцо невестино было обручальным. И прямо на венчании, как кольцо ему на палец попало, велел невесту гнать за пределы царства. Она не шибко расстроилась, что царицей не стала, потому как жених был зело отвратен, выбирал его отец, дочку не спрашивая, а слезы лила, потому что, по слухам, пустил он ее собачек на шапки, а кошек на рукавицы.

С королевной получилось еще хуже. Жила она, как выражался покойный шахзаде, у родителей в неге и холе. Но была девицей сильно мечтательной. Любила гулять по садику и предаваться грезам. И вдруг слетает к ней с ветки ворон и говорит: «Я не ворон...» Какой еще, к черту, мельник? Откуда это мельник взялся? Нет, он утверждал, что он – заколдованный принц. Освободить его может только девица, которая примет за него два года страданий – моральных и физических. Он обращался к тысяче девиц, и ни одна не согласилась. А ведь ту, что спасет его, ждет брачный венец и неисчислимые годы несказанного блаженства, о каком простые смертные и понятия не имеют! Девица спросила, в чем заключаются условия. Оказалось, что в первый год ее душа будет попадать как бы в ад. Но все это будет происходить исключительно во сне. А второй год она должна отработать батрачкой на крестьянском дворе. И что вы думаете – она согласилась! Каждую ночь в течение года ее мучили кошмары. Она попадала в камеру пыток, где бесы усердно обрабатывали ее плетями, раскаленными щипцами и гишпанскими сапогами, загоняли под ногти иголки и растягивали на дыбе, при-

чем телу ее в действительности не причинялось никакого вреда. После этого год черных работ, уверяла она, показался отдыхом, хотя я ей не шибко поверила. Но средство помогло. Мельник... да тьфу ты черт! – ворон расколдовался. И стал принцем. Почему – не женился? Женился, к сожалению. Потому что принц был садистом-извращенцем, и заколдовали его исключительно по просьбе измученных родителей. Как только во время брачной ночи он извлек из сундуков плети, клещи и прочий знакомый королевне по кошмарам инструментарий, она со страху сиганула в окно с четвертого этажа, плавно спикировала на широко раздувшейся ночной рубашке и бросилась прочь.

Впоследствии эти дамы вышли замуж за простых мужиков, родных братьев. Мужики оказались хорошими мужиками, и все вроде образовалось. Но не тут-то было! Там имелся младший братец, в котором старшие, как водится, души не чаяли. Он и был уродом, без которого семья не обходится. Надобно сказать, что в тех краях очень длинные – три четверти года – и суровые зимы. Из-за чего дома строятся так, что они, если можно так выразиться, крепятся вокруг печки. При тамошнем климате это вполне разумно и удобно, но не при данных обстоятельствах.

Мужья моих знакомок уехали на заработки, и ничего лучшего не придумали, как оставить дом на попечении младшего брата. А он только и знал, что на печи лежать. При этом он каким-то попущением господним приобрел способность творить чудеса, и его призвали к царскому двору. Ладно бы, но ему с печки слезать было лень – так он на ней и уехал. Нимало не озаботившись, что изба оттого развалилась по бревнышку. И остались бедные женщины посреди зимы в чистом поле. Так прошли они, побираясь, до этого королевства. Которое, прямо скажем, мало чем радовало. Народ был обложен огромными поборами, воровство и разбой процветали, все чиновники брали взятки, и честным путем ничего нельзя было добыть. Даже дров. Дура, то есть наша хозяйка, жарила жратву на хворосте, который покупала у одного вора. А он крал эти вязанки с площадей, где жгли ведьм.

– Наш король, – рассказала она нам, – сызмальства был храбр и отважен. Но однажды, когда он спал в лесу, притомившись на охоте, злая ведьма разрешила ему грудь, украла его сердце и заменила заячьим. И с тех пор он стал бояться всего на свете, даже мышиного писка. Когда враги напали на нашу страну, король из-за этого не смог вступить в бой, и пришлось платить огромную контрибуцию. Чтобы избавиться от проклятья, решено было найти ведьму. Поймали одну старуху, стали ее допрашивать: украла сердце? Она так прямо и говорит – украла. Сожгли ее, но ничего не помогло. Должно быть, это была не та ведьма. С тех пор их все время ловят. И что характерно, все они признаются! После чего их жгут, а я, дура, позволяю себя грабить на хворосте...

– А иного средства нет? – спросила княжна.

– Отчего же, есть. Мудрецы всего королевства собрали совет и рекли: средство от проклятия знает великий маг Абрамелин, владеющий скрижалю счастливой жизни, доставшейся ему от еще более великого мага Малагиса.

– Что ж никто за ним не сходил? – спросила королевна.

– Ходили уж, и не раз. Только живым никто не дошел. Живет маг Абрамелин за лесом, на волшебной горе, в пещере, а пещеру ту стережет огнедышащий дракон. Наш-то жулик, у которого я, дура, хворост покупаю, тоже ходил. Было их двенадцать разбойников. Одиннадцать полегли, а этот что-то у ворот замешкался и убежать успел. Теперь на разбой не ходит, ворует только.

– Коллеги принцессы, – говорю я, – по-моему, это дело для нас.

– А по-моему, – сказала княжна, – нас всех уже обломило на спасении обиженных и королевской благодарности. Стоит ли наступать на те же грабли?

– Так-то оно так, но прежде мы работали в одиночку. Теперь можем страховать друг друга. Кроме того, кто сказал, что мы обязательно попрем это средство королю? Может, загоним другому клиенту.

– А дракон? – хмурилась королева. – Или на ятаган свой полагаешься?

– Зачем сразу ятаган? Попробуем сначала договориться. А то видывали мы людей, которые похуже драконов...

Договариваться не пришлось. Мы спокойно пересекли лес, добрались до высоченных, заросших мхом ворот, прошли через них и оказались у подножия вырубленной в горе лестницы. А рядом с ней лежал дракон – такой гигантский крокодил с крыльями, расцветки майского жука. И он спал. Мы притиснулись друг к другу, надеясь обойти его незаметно, однако дракон приоткрыл один глаз и спросил сиплым голосом:

– Вы кто?

– Мы – три странствующие принцессы, идем к великому магу Абрамелину.

– Тогда проходите, – сказал дракон и снова закрыл глаз.

– Это провокация, – пробормотала королева.

Мы подождали немного, потом я махнула рукой.

– Я пойду вперед, а вы, в случае чего...

И двинулась по ступенькам. Ничего не произошло. Остальные потихоньку подтянулись. Княжна, которая была замыкающей, не удержалась и погладила дракона по боку, прошептав: «Хорошая зверюшка». Дракон заурчал во сне.

– Ты бы еще бантик ему на хвост навязала, – мрачно заметила королева. Как больше пережившая, она была более скептически настроена.

Преодолев подъем, мы вошли в пещеру. Маг, симпатичный пожилой дядька, сидел за столом, заваленным пергаментами, хрустальными шарами и прочей бутафорией жанра, и что-то сосредоточенно черкал на разграфленном листке – то ли гематрией занимался, то ли кроссворд решал.

– Привет, девочки! – сказал он, подняв голову. – Откуда вы?

Вопрос дурацкий, но замечать это было бы неучтиво.

– Мы из королевства, прошли через лес, ворота и по лестнице, мимо дракона...

– И Барсик вас не тронул? Так я и думал.

– Это дракон, что ли? – возмутилась королева. – Да он у вас совсем обленился.

– Ну, не скажите. Он вполне в рабочем состоянии. Может и огнем спалить, и просто задушить. Бывало, высунешься за ворота, а парни там лежат рядком... все белые... и мертвые... Но вы обратили внимание, что на воротах написано?

– Нет. Там не видно ничего, все мохом заросло.

– Увы... А написано там: «Войти сюда может только муж благородный и мудрый, бескорыстный и чистый сердцем». Это Малагис написал, мой учитель, когда защиту устанавливал. И дракона он настроил соответственно. Понимаете, он был маг великий, но человек несколько ограниченный, и никогда не думал о женщинах. Поэтому не установил для женщин никаких условий. Они могут сюда приходить какие угодно и в любом количестве. Но не догадываются. Иногда я так об этом жалею... Не подумайте дурного – я человек уже немолодой. Просто у меня проблемы с домашним хозяйством. С питанием справляюсь – наколдую чего или Барсика посылаю, если натурального захочется. А вот в квартире не чувствуется женской руки...

Это было мягко сказано. Все его големы, мумии, фолианты и глобусы заросли пылью и паутиной, только на столе было почище. Типичное жилье старого холостяка.

– Вообще-то живется мне не так уж плохо. Читаю, в магический кристалл смотрю. Обычно он у меня настроен на королевский дворец. – Абрамелин вытер пыль с хрусталя. –

Вот – палач пытается очередную бабульку... вот король прячется под кроватью, потому что боится покушений...

– Собственно, из-за этого мы и пришли, – прервала я Абрамелина. – Говорят, только ты можешь снять проклятье с короля...

Он грустно усмехнулся.

– Проклятье! Скажут тоже! Ничто не поможет королю, кроме смерти, потому что никакого проклятия нет. Он всегда был трусом и мерзавцем, только, пока на страну не напали, это не было заметно. А потом, чтобы оправдать преданную армию и отданную казну, он и выдумал эту сказку с подмененным сердцем. Сжег одну бабу, другую... и уже не мог остановиться. Конечно, все они признавались, под пыткой чего не признаешь...

– Знакомая история... – я вспомнила султана и «няньку-злодейку». Причем султан в данной ситуации представлял поприветливее. Воистину, все познается в сравнении.

– А скрижаль с секретом счастливой жизни – такая же туфта, как проклятье? – поинтересовалась королевна.

– Нет, она существует. Малагис уверял, что вывел универсальную формулу счастливой жизни, и записал ее. Я с ним не совсем согласен, но он считал, что другой нет. Это тайна, но вам я покажу...

Он убрал с полки глобус небесных сфер и траченное молью чучело совы, смахнул паутину и указал на каменную плиту, вмурованную в стену.

– ORA ET LABORA! – я присвистнула. – Тоже мне, тайны царя Соломона. Это самое «молись и трудись» на стенке любого монастыря написано.

– А Малагис уверял, что формула эта секретная, – вид у Абрамелина был убитый.

– Значит, монахи дошли до нее своим путем... Кстати, а где сам Малагис?

– Да боги его знают. Ушел лет сто назад в паломничество, поклониться мощам святого Мерлина, и не вернулся.

– Ладно, дамы и господа, что делать будем?

– Обедать, – сказал Абрамелин, и это было правильное решение.

Он наколдовал перекусить. Сказать по правде, его магическая стряпня была хуже той, что подавали в трактире «У дуры», но мы тактично промолчали. Зато вино в плетеной бутылке, которую маг достал из-под стола, было выше похвал. Должно быть, его приволок Барсик. Распив по стаканчику, мы раскинулись в креслах повольготнее, и я вернулась к прежней теме.

– Так значит, Абрамелин, положить конец королевскому проклятию может только смерть?

– Ты что задумала? – вмешалась королевна. – Это не наши проблемы.

– Угу. Сами мы не местные, дело наше пятое... но если так пойдет дальше, в королевстве скоро сожгут всех женщин. Пора это прекращать.

– И что ты предлагаешь?

– Есть задумки. И тебя, Абрамелин, я попрошу поспособствовать. Не бойся, с горы слезать не придется. Во-первых, я хочу изучить через магический кристалл дворцовый комплекс. А затем, возможно, понадобится кой-какой реквизит.

– Идет, – отвечает он. – Завалилось у меня тут барахлишко... по молодости форсил, а сейчас надевать уже неприлично.

Мы забрали то, что не окончательно истлело, и напоследок маг спросил:

– А может, кто-нибудь останется?

– Я бы осталась, – грустно сказала княжна. – Барсик очень симпатичный. Но я хочу встретиться с мужем.

– Что ж, тогда порасспросите знакомых, не согласится ли какая пойти ко мне в домоправительницы.

– Мы пришем к тебе Дуру, – сказала я, и остальные согласно кивнули.

Когда мы с королевной появились перед входом во дворец, вид у нас был еще тот. Высокие колпаки со звездами, мантии с солнцем и луной, жезлы. Мы держали большой сундук. И грянули хором:

Зло есть добро, добро есть зло.
Летим, вскочив на помело!
Взявшись за руки бегом
Вкруговую впляс пойдем.
Замелькает хоровод,
Из-под ног земля уйдет,
Девять раз кругом, кругом,
Обежим и круг замкнем.
Круг заклят и слово наше крепко!

Текст нам тоже дал Абрамелин. Уверял, что самый ни на есть подлинный. Во всяком случае, впечатление произвел. Привратник побледнел и спросил:

– Откуда вы, ночные вы чертовки?

– Мы, – говорим, – ученицы великих магов Мерлина, Малагиса и Абрамелина (на этих мы могли сослаться смело. Мерлин давно умер, Малагис вроде бы тоже, Абрамелин же в недостижимости). Принесли, по их воле, лекарство от королевского проклятия. Оно в этом сундуке.

Вышел церемониймейстер, начал требовать сундук. Никак нельзя, отвечаем мы. Заглянуть в сундук может только миропомазанный король. Всякого другого чары лекарства убьют на месте. Пока пререкались, явился король – весь из себя король: гордая осанка, голова откинута, очи, кудри, то, се... Но мы уже знали из магического кристалла, какой он был пакостник. Договорились, поскольку он боялся оставаться наедине с сундуком, что мы будем рядом с ним, дабы руководить процессом излечения. Нам только этого и надо было. Разумеется, предварительно нас обыскали на предмет наличия оружия (его не было) и отобрали жезлы (они были не настоящие и могли сгодиться лишь на веретена). Что было дальше, легко угадать.

Я открыла сундук, король нагнулся посмотреть, что там на дне, и королевна опустила крышку. А края мы заточили на совесть – что твое лезвие... Потом мы запихали обезглавленное тело в сундук, спустились из окна по веревкам, которыми были опоясаны, а внизу нас ждала княжна, каковая, будучи специалистом по животным, свела лошадей из королевской конюшни...

Насколько я потом слышала, в покои короля долго потом не решались войти, несмотря на вонь. Потом один слуга все же отважился. А раз было сказано, что заглянуть в сундук может только король, его королем и выбрали. Он уменьшил подати и прекратил охоту на ведьм.

А мы тем временем ехали в сторону Радужного моря. На что жили? Разве я не сказала, что мы прихватили кое-какие безделушки в королевских апартаментах? Это же подразумевается. А потом загнали с прибылью.

Приезжаем к морю, двигаем в порт при городе Нездесе, и что же мы видим? – с корабля сходят мужья моих товарок. Они по возвращении нашли дом свой в развалинах и бросились искать жен. А узнав, что те умудрились и верность соблюсти, и капитал приобрести, весьма обрадовались.

Тут мы и расстались. И решила я – хватит с меня самостоятельности. Иначе чем я лучше какого-нибудь героя, который суется везде где ни попадя со своими подвигами и ожидает за них награды. Предпочтительней исполнять работу, и получать за нее плату, четко определенную договором.

Пожила я какое-то время в Нездесе, истинной жемчужине у моря, навела справки – где, что и как. И я устроилась охранницей в «Мэджик Голдман банк». Прослужила там три года. Почему уволилась? Дурацкий вопрос – вваливаешь, как проклятая, а оклад маленький. Одна польза – за то время освоила кое-какие боевые заклинания. Без этого нельзя. Обычные грабители и мошенники на хранилища МГБ покушаются редко. Все больше маги, драконы, оборотни и прочая шушера. Что? Нет, не только боевые, финансово-коммерческие тоже. Иначе, бывает, мешок с золотом с дороги не сдвинешь – руки оторвет, такое на него заклятие наложено. Еще какие? Хватит, я уже и так достаточно рассказала. Легко ли отпустили? Нормально. Там с этим спокойно. Вот в «Банк Восходящего Солнца», ежели что, упаси вас господи поступать. Там, конечно, жалованье побольше, чем в МГБ, но на каждого служащего накладывается заклятие, по которому он сразу по увольнении самолично мечом себя порешает. А у Абу-Хасана Исмаил-шаха вообще без затей – там увольняющийся объявляется преступником, нарушившим клятву верности. И его душат... да нет, шелковым шнурком – это чиновников, а охранников – собственной портупеей.

Потом было несколько частных контрактов. Каких – не скажу: заклинание о неразглашении читала. А после – сюда, инструктором в академию имени Скатах. Заведение с приличной репутацией, опять же платят нормально... хотя, конечно, работенка тоже не сахар. На себя в зеркало посмотрите и поймете. Нет, не в волшебное зеркало. В обычное. Вот закончится контракт – начну собственный проект. Открою школу выживания для принцесс. А то сидят они, дурищи, в башнях, драконовых пещерах или подземельях, и думают – вот выручит их герой, и неприятности кончатся. А тут-то неприятности все как раз и начинаются...

Часть вторая, хотя на самом деле первая ЗДЕСЬ ВАМ НЕ ТУТ

Tout se mange dans cemone – si.²
Екатерина II

Знаете ли вы, что такое «толедская ночь»? Нет, вы не знаете, что такое «La notta toledana». Это термин, обозначающий высшую степень коварства, предательства, жестокости по отношению к самым доверчивым, беззащитным и наивным. То есть нормальные условия, в которых вам, салаги, придется жить и работать. А вы что думали? Зачет сдали – и можно водку пьянствовать и дисциплину хулиганить? У вас впереди полевые задания в условиях, приближенных к рабочим. Меж тем, грядут большие перемены. Ибо вчера к директору школы прибыл гонец с побережья. Черные вороны реяли над его головой. И сообщил он, что некий кормчий, проплывая вдоль берега дальнего, услышал оттуда голоса могущественные, восклицающие: «Умер, умер Великий Хам!» А это значит... А, собственно, что это значит? Блин, заклятие с меня упало! Ну, что выпялились, козлы? Никогда не видели, как заклятие с человека падает? Естественно, вам только как штаны падают видеть приходилось... Вольно. На сегодня занятиям абзац. Подробности – на факультативе. Посещение свободное.

Это, стало быть, произошло, когда я завязала с самостоятельностью, и поступила на работу в Магический банк Голдмана. Прежних друзей-подружек я из виду потеряла, только Абрамелин иногда присылал письма вместе с Барсиком. Новейших разработок в области магии он не признавал, порталами через пространство не пользовался, а почтовым сильфам не доверял, предпочитая гонять Барсика. Начальство мое, тем не менее, эти визиты не запрещало и даже поощряло, так как дракон, парящий вокруг банка, по общему мнению, повышает его рейтинг.

Работать поначалу было интересно. Даже просто отсиживать смену. Вы когда-нибудь видели, как растут проценты? Сначала маленькие... нежные... а потом все больше и больше... зеленые такие... огромные... все собою поглощают... Захватывающий процесс!

Но со временем все приедается и превращается в рутину. И тут, как правило, выскакивает из-за кустов очередная неприятность.

Как сейчас помню, это случилось во время обеденного перерыва. Я сидела и читала трактат полковника Грушина «Техника затыкания рта, а также разновидности кляпов». Очень полезительная книга, рекомендую. И тут дежурное заклинание заорало над ухом:

– Тесса! К старшему по смене!

В файлах МГБ я проходила под кличкой «Контесса». Как вам уже известно из базового правила имен, называть свое истинное имя направо и налево никогда не стоит. А именовать на работе принцессой – претенциозно. Поэтому я самовольно понизила себя в звании. Однако то, что псевдо произнесли в краткой, то есть боевой, форме, ничего хорошего не предвещало.

Старшего нашего звали Финалгон. По имени вам должно быть ясно, что был он эльф, а из того, что трудился в нашей конторе – изгнанник. Подобное сочетание качеств делало его почти идеальным начальником охраны и почти невыносимой личностью в общении. На этом «почти» я и держалась. Не приведи Бог вкалывать под началом эльфийского аристо-

² И все-то на свете ест друг друга.

крата, и если бы не мой богатый жизненный опыт, а также исключительная мягкость, благожелательность и дисциплинированность... Ну ладно.

Есть мнение, что эльфы страдают повышенной элоквицией, то есть красноречием в тяжелой форме. Не знаю, может среди себя и страдают. Финалгон разводить базара не любил, и сразу перешел к делу.

– Есть задание.

– Я вся внимание. – Ожидать подробных инструкций от него не приходилось.

– На тебя поступил запрос от Великого Хама, – Финалгон сделал паузу, которой позавидовал бы артист императорских театров. Я не артистка и до конца паузы не выдержала.

– Какой еще запрос?

– Сие мне неизвестно, – чопорно заявил он. – Знаю только, что твой контракт временно передается Великому Хаму.

– Но я никогда на него не работала!

– Тем не менее в запросе официально проставлено твое имя. И аванс уже получен. Так что господин Голдман распорядился немедленно переправить тебя через телепорт в Столовые.

– Аванс-аванс... Его банк получал, а не я.

– Прекратить разговоры! Иди получай стандартный полевой набор, а то у портала уже очередь выстроилась.

– Так очередь, небось, не в Столовые стоит...

Не собираясь длить теплое прощание, я вышла, бухтя больше для проформы, чем в искреннем раздражении. То, что господин Голдман ведет дела с Хамами, а Хамы – с господином Голдманом, меня, в общем, не удивило. Дело житейское. И пока я ходила к интенданту и расписывалась в ведомости, то постаралась припомнить, что я когда-либо слышала о Хамах и их подданных.

Великое Хамство располагалось на Столовых равнинах, для краткости называемых обычно просто Столовыми.

Жители его были кочевниками и обитали в кибиточных городах – хамбургах. Землю они не пахали, фабрик-заводов не строили, питались кониной и единственно благородным занятием для себя почитали наезды. Власть в орде была наследственной, а чтоб какой узурпатор не посягнул, еще при жизни правящего Великого Хама провозглашался его преемник – Грядущий Хам. Проще всего было бы предположить, что меня наняли охранять здравствующего Великого Хама от его наследника, но я уже успела усвоить, что наперед ничего загадывать не стоит. Затарившись и получив проездные документы, я шагнула в портал (никакой очереди, конечно, не было). Дежурный маг выкрикнул подъемные заклинания, и через несколько мгновений я стояла по колено в ковыле. Вольный ветер доносил до меня неповторимый аромат дыма, кизяка, пота, грязного войлока, а также конюшни и псарни. Оставалось верить, что навигатор перенес меня именно к тому хамбургу, который служил резиденцией его хамскому величеству.

Следуя за собственным носом, я обнаружила хамбург за ближайшими холмами. Жизнь в нем текла вполне мирно. Хамы объезжали коней, предавались борьбе, упражнялись на кошках, гнули пальцы либо просто шатались между кибитками. Были они в большинстве своем, как и подобает подлинным степнякам, белобрысые и голубоглазые, впрочем, попадались и рыжие, и чернявые, а то и вовсе с бритыми башками. Национальной одеждой хамам и хамкам служили куртки и штаны из грубо выделанной черной кожи, украшенные медными заклепками, а также узорами самого устрашающего вида – черепом, скрещенными костями, змеями, драконами, окруженными изображениями различных колющих и режущих предметов.

Определив самый большой шатер под знаменем из девяти конских хвостов, окруженный, вдобавок, охраной, я двинулась туда и сообщила, что прибыла по повелению Великого Хама.

Несмотря на полную безграмотность, бюрократы они оказались еще те. Документы пробовали даже на зуб. Затем решали проблему со сдачей оружия. Дело в том, что по их законам человек без оружия считался рабом, и его оприходывали автоматически, а входить с оружием в шатер Великого Хама было запрещено. Наша канцелярия, разумеется, этот казус предусмотрела, и все мое оружие до поры до времени было опечатано. Но сколько я ни тыкала печатями охранникам в нос, это не помогало. Образцово-показательного штурма устраивать не пришлось, потому что из-за завесы раздался громовый глас:

– Пропустить!

И они пропустили.

В шатре оказалось довольно простенько и даже со вкусом. Впрочем, чтобы испоганить убранство шатра, нужно сильно постараться.

Почти все пространство занимала довольно чистая кошма (должно быть, ее часто меняли), такая большая, что частично выходила за пределы шатра – словно коврик у входа. А в глубине шатра на подушках располагались трое мужчин. Кто-то из них был Великим Хамом и отдал приказание впустить меня. Хотя это могли оказаться и разные особи.

Тот, что сидел справа, сложением напоминал шкаф или, точнее, буфет – если будет возможно обрядить его в кольчугу и плащ из ирбисовых шкур. Жира под кольчугой и мехами было немало, но тому, кто пожелал бы завалить этого типа голыми руками и даже при наличии оружия, я бы присоветовала крепко задуматься – жировая прослойка вкупе с мускулами защищает лучше иных лат. С лица он был типичный местный житель, как рисуют первоисточники – белокурые волосы заплетены в две косы, длинные усы, спадающие на грудь – тоже, а подбородки гладко выбриты. Все три.

Слева восседал сухонький дядька неясных лет, совершенно лысый, носатый, с пронзительными темными глазами и редкой бороденкой. Халат на нем был черный, без каких-либо фенек и вытребенек, но безупречного покроя и дорогой ткани, а шею украшал узкий черный шарф. Мне сразу припомнились сотрудники конкурирующего банка Ага-хана Исмаил-шаха и пресловутая удавка, которая выдавалась им вместе со свидетельством об увольнении.

Само собой, ни один из этих двух не был Великим Хамом.

А вот тот, кто восседал посередине, несомненно им был. И не только потому, что подушки под его сидением были парчовые, а диванчик, на котором они раскиданы, напоминал походный, но все же трон. И не только потому, что халат его малиновый был украшен золотым шитьем, а горностаевый малахай – драгоценными камнями. А потому что круглая его физиономия имела выражение истинно хамское и в высочайшей степени прохиндейское.

А это вносило какую-то определенность в отношениях. Человек, который выглядит как святой, скорее всего окажется мошенником. Но человек, который выглядит как мошенник, окажется им непременно.

– Приветствую Великого Хама, – сказала я и поклонилась, – от лица МГБ.

Хам, как ему и пристало, ничего не ответил, только ухмыльнулся и почесал сивую бороду, которая росла у него прямо от ушей.

Зато заговорил дядька в черном халате:

– Это вас именуют в ведомстве господина Голдмана Контесса или Тесса?

– Именуют. Иногда я даже отзываюсь.

Он пропустил последнее замечание мимо ушей.

– Вы имеете честь находиться перед светлым ликом его крутейшества Великого Хама. Также здесь присутствуют бесстрашный полководец Ультрамунд и я, советник Зайгезунд. – Хотя советник порядком частил, говор у него был такой же, как у Финалгона. Должно быть,

учился в одной из этих аристократических закрытых школ, может, даже с магическим уклоном. – Прежде чем вам сообщат задание, вам придется ответить на несколько вопросов.

– Вспоминайте.

– Это вы освободили чету NN от козней медведя-колдуна?

– Ну, дед с бабой, то есть чета NN, тоже были та еще парочка. Да и медведь-то так себе – серенький...

– Отвечайте просто: да или нет. Великана Хлебабу вы победили?

Он задавал еще какие-то вопросы, касающиеся моих частных контрактов. Я что-то мычала в ответ. Опасалась я лишь одного: что он спросит про убийство короля с подмененным сердцем. Это деяние непосредственные участники не афишировали, и упоминание о нем означало бы, что кто-то – либо мои бывшие подруженьки, либо Абрамелин – проболтался. Но советник вскорости свернул допрос и заявил:

– Что ж, если вы действительно та самая, вам предстоит свершить задание особой важности, направленное на благо его мутности Грядущего Хама!

Тут мне все сразу стало ясно.

– Небось, пошлете заколдованный меч добывать? Или принцессу? Или то и другое вместе?

Все трое вытаращились на меня, но разверз уста только полководец. Я уже слышала его голос – это он отдал приказ страже, но тогда это был так, шепоток. Похоже, в полководцы он пробился, просто оглушая противников.

– Откуда знаешь, падла? Говори немедленно! Признавайся, на кого работаешь! Явки, адреса – не то одной рукой зашибу!

И он вскочил с явным намерением это осуществить. Драки, похоже, не избежать, с тоской подумала я, и ошиблась.

– Цыц! – раздалось с трона-дивана. – Не пытайся перехамить Хама.

Хоть правитель вещал негромко, Ультрамунд услышал его сквозь собственные вопли и пал ниц.

– Повинуюсь, о наикрутейший!

Великий Хам обратил на меня голубенькие глазки в окружении бесцветных ресниц.

– Так откуда ты вызнала наши планы?

Я пожала плечами.

– Тоже мне, бином Мерлина. Какой-нибудь другой квест, связанный с наследником престола, имеется?

– Вообще-то, – задумчиво произнес Зайгезунд, – практически каждый подобный сюжет сводится к добыванию магического меча либо освобождению принцессы, что, в сущности, является реализацией одного и того же фаллического символа при комплексе кастрации...

Ультрамунд, снова уютившийся на подушках, сделал охранительный знак.

– Хватит заклинять, – сказал Великий Хам. – Ну, догадалась. А ухмыляешься с чего? Иль не лестно тебе мое предложение?

– Спасибо, – говорю. – Я уже добывала одному хмырю принцессу. Награда, что называется, на лице, – и я показала на свой сломанный нос. – И хорошо еще, что с носом осталась, могло быть хуже. Так что теперь лестно не лестно, а деньги – вперед!

– Уплочено!

– Это банку, а не мне! А для этого существует дополнительное соглашение. И это еще не все...

– Кто здесь Великий Хам?

– Ты, о Повелитель, – успокоила я его. – Даже и в мыслях не имею претендовать. Это вполне разумно – подстраховать наследника. Но почему женщину пригласили? По моему, это не в обычаях вашего народа.

– Много ты знаешь про обычаи нашего народа. – Хам умолк и засопел.

– Почему? – Ультрамунд умерил голос до приемлемого. – Сколько слышали – пригласили на такое дело доблестного рыцаря или скажем, сильномогучего богатыря, а он норовит волшебный меч простой ковырялкой подменить, а принцессу трахнуть. Оно понятно – какой же он иначе доблестный рыцарь. Только кому после этого такое добро нужно? А тебе вот нужна принцесса?

– И даром не надо! – Я чуть было не добавила «Я сама принцесса», но придержала язык. – У меня ориентация нормальная. И меч магический мне ни к чему, оружие у меня свое, табельное...

– Поэтому совершенно резонно и рационально, чтобы наследника в его героическом поиске сопровождала женщина, – подхватил Зайгезунд.

Они были правы. Но чего-то недоговаривали. И я не верила их объяснениям ни на грош.

Хам, очевидно, прочел это по моей физиономии.

– Ладно. Стало быть, так. Ты тут брякнула про наши обычаи. Я кое-что тебе открою. Только учти: если то, что здесь будет сказано, выйдет за пределы этого шатра, то – не обижайся, ничего личного! – я свистну в свисток, мои нукеры выдернут отсюда кошму вместе с тобой, закатают в нее и переломают тебе хребет.

– Вот хребет мне еще не ломали. Все остальное, по-моему, да. По крайней мере, пытались.

Угрозы его меня не пугали. Ибо, если сказанное им когда либо выйдет за пределы шатра, меня в этом шатре точно уже не будет.

Но Хам, очевидно, истолковал мои слова в свою пользу.

– Вот обычай Великих Хамов: когда рождается наследник, отец назначает ему подвиг, который Грядущий Хам должен совершить до своего вступления на престол. И нельзя этого ни изменить, ни отменить, ибо слово Хама – золотое слово. Я сам исполнял назначенный подвиг, а при рождении наследника поклялся, что он, достигнув совершенных лет, отправится на таинственный Ближнедалний Восток, и добудет могущественный меч Рубило, а также Доступную принцессу.

– А ежели она доступная, так зачем ее добывать?

– Она так называется, потому что доступ открыт всем желающим. Но пока никто из тех, кто желал, не добился. А дальше...

Завеса откинулась, и я обернулась. Внутрь шагнул новый персонаж. Спрашивать, кто это, не приходилось. Он был очень похож на папу, но в сильно разжиженном варианте. Основным половым и возрастным признаком ему служили прыщи, раскиданные от лба до подбородка. Негустые белобрысые волосы падали на небогатые плечи (после мне рассказали, что заплетать косы имел право лишь полноправный воин). Одет он был так же, как большинство обитателей хамбурга, только заклепки на куртке и штанах были не железные, а золотые.

– Это что за чучело? – хмыкнул он, уставившись на меня. – Постраховиднее не могли найти, что ли?

Я и без того знала о некоторых недостатках своей наружности. Но тут был вопрос принципа. Он должен был сразу уразуметь, кто здесь начальник.

– Заткни хавальник, салага, и замри перед беспредельщиной!

По голосовым данным мне было далеко до Ультрамунда, но кое-что и я умею. Однако такого эффекта я не ожидала. Оглушенный акустической волной Грядущий Хам рухнул на колени.

– ...а дальше – сама видишь, – с тяжелым вздохом сказал Великий Хам. – Его не только профи, его любой гопник о колено перешибет. – На глазах его показались слезы. Несомненно, этот прохиндей любил сына.

– Ну и что? Найми телохранителя.

– Как будто я не понимаю! Но зачем я тебе про обычаи нашего народа талдычу? У нас самое главное – не потерять лицо! И ежели с Грядущим Хамом пойдет другой воин – конец, ему жизни потом не будет. Не крутой, скажут. А вот ежели отправить бабу – совсем другая песня. Вроде как она приставлена услаждать и прислуживать... провести по документам как наложницу... и как там по жизни все ни обстоит, приличия соблюдены. Конечно, какая-нибудь благородная воительница на такие условия не согласится. Пришлось наемницу искать, Зайгезунд навел справки. И так получается, что именно ты нам и подходишь. Или тебе не все равно, как тебя называть будут?

– Да хоть наложницей, хоть заложницей! Главное, чтоб деньги были настоящие, признанные во всех отделениях МГБ! Так что требую предоплаты, что должно быть отражено в дополнительном соглашении. Это первое мое условие. А второе...

– Нет, какова наглость!

– А вы сами дали понять, что альтернативных кандидатур не имеется. Тем более – второе мое условие имеет непосредственное отношение к качеству исполнителя заказа. Если намереваетесь или уже сподобили своего наследника снабдить какой-нибудь магической защитой, чары там на него наложить, заклинания зубрить заставить, вы обязаны поставить меня об этом в известность. А то был случай – клиент не сказал телохранителю, что на него наложены чары, разрушающие приготовленное к бою холодное оружие в радиусе двадцати метров. Человек же инвалидом остался, хорошо, что был застрахован!

Потом мы составляли пайцзу об ответственности сторон на двадцати страницах в двух экземплярах и долго лаялись. Точнее, лаялись, в основном, мы с Зайгезундом. Его крутейшее периодически возглашал, что слово Хама – золотое слово, причем наивысшей пробы, очнувшийся Грядущий Хам пытался вклиниться, но папаша срезал его: «Тебя кто спрашивал, щенок!» Ультрамунд, казалось, спал. Наконец Великий Хам оттиснул на соглашении свой перстень, я подписалась, и Зайгезунд трясущимися руками отсчитал мне аванс. Я положила кошелек на свой экземпляр соглашения, произнесла типовое заклинание переноса, и они исчезли, в тот же миг оказавшись в руках дежурного мага МГБ. Великий Хам и его присные не очень удивились, видимо были знакомы с накатками финансовой магии.

Тут Ультрамунд приоткрыл глаза и сказал:

– Теперь бы это... вспрыснуть надо...

– Верно. Без пира, по обычаю, сделка считается недействительной. С другой стороны, женщинам, тоже по обычаю, пировать с воинами и властителями не положено. – Хам покоился на меня. – В общем, будем считать, что ты нас развлекаешь.

Вечер и часть ночи были отведены пиршеству. Меню пира разнообразием не блистало и состояло из главных национальных столовских блюд: конины и кумыса. Правда, конина была представлена во всех видах: сырая, вареная, жареная, тушеная, томленая на пару, копченая, засоленная, маринованная, с перцем и острыми приправами. Кумыс пили от пуза только Великий Хам и Ультрамунд. Зайгезунд отговаривался нездоровьем, хаменку не разрешил папаша, а я, помимо того, что находилась при исполнении, просто не люблю молока, пусть и крепленого. Зато к конине приложилась. Не имею против нее предубеждения, хотя она, как правило, не составляет основу моего рациона.

С утра все были как огурчики и вновь вернулись к делу, усевшись на кошке. По сравнению со вчерашним днем она была грязновата, поскольку меняли ее, видимо, только по очередным казням.

– Итак, – сказал Великий Хам, – обсудим маршрут. На Ближнедалний Восток можно попасть на корабле, по Радужному морю. Но мой сын избрал путь по суше.

– Потому что недостойно доблестного воина плавать на этих лоханках! – отрубил Ультрамунд – Воин ездит верхом на боевом коне. Это благородно, достойно, а главное – сухо!

- И вообще на море меня укачивает... – добавил Грядущий Хам.
- Это ты еще на ковре-самолете не летал... – меня аж передернуло от воспоминаний.
- Не отвлекаться, – заявил Хам. – Зайгезунд!
- Сказал мудрец – мир ему! – «Без карты вперед ни шагу»...
- Он, наверное, всю жизнь дома просидел.

Зайгезунд, как обычно, проигнорировал мое замечание и извлек чертеж, составленный, судя по манере, в Союзе Торговых Городов, что близ Радужного моря.

– Мы находимся здесь. Дорога в необходимом нам направлении ведет к Волкодавлю, что на великой реке Волке...

– Знаю, места известные, бывала я там...

– К сожалению, это лишь начало пути. – Он прочертил пальцем по карте. – Дальше лежит Заволчье с его Жуткими лесами.

– Не беда. Немало моих знакомых там были и вернулись.

– Дальше находится принципат Ля Мой.

– Это уже хуже. Но тоже можно пережить.

– Увы, это граница цивилизованных стран. А дальше, до самого Таинственного Востока тянутся Дикие степи и Страшные пустоши, на которых картографами ничего не отмечено.

– И стоило ради этого на карту тратиться?

– Вот именно! – неожиданно поддержал меня Ультрамунд. – Жили наши благородные предки без этих карт, одними костями, и мы бы прожили! Одно разорение от них!

По-моему, он имел в виду какие-то другие карты.

– Короче, – я обернулась к главному работодателю, – наша задача какая?

– Проще некуда: хватаете меч, принцессу и дуете обратно. Сам не понимаю, за что я тебе деньги плачу?

– Боевые характеристики меча?

– Говорят, рубит все что ни попадя.

– Ну, хоть что-то. А принцесса? Есть о ней какие-нибудь данные, что все ее домогиваются, а домогнуться не могут?

– Сведений нет.

– Как обычно. Хорошо, будем разбираться по обстановке. Еще пожелания есть?

Последовала пауза, которой не мог бы выдержать и Финалгон.

– Верни мне моего сына живым, женщина. – На его глаза снова навернулись слезы, но Великий Хам тут же поспешил добавить: – А также в своем уме и не искалеченным, иначе кому такой наследник нужен...

Выехали мы на рассвете следующего дня. Дали двух верховых и двух вьючных лошадей. Провизии на первое время было достаточно, кроме того Зайгезунд снабдил аккредитивами в наиболее почтенные банки Ойойкумены. Я сказала «снабдил нас», но следует заметить, что документы он передал мне, несомненно зная нрав Грядущего Хама. Впрочем, у наследника хамства имелся кошелек с деньгами различного достоинства.

До границ Столовых равнин поначалу Великий Хам хотел отправить с нами отряд конных арбалетчиков – как водится, но я отговорила его, сказав, что это будет задержкой в пути. К счастью, Хамы ценят скорость передвижения, и довод возымел действие. Увы, это обстоятельство имеет и оборотную сторону. Мы еще и дня не были в пути, когда Грядущий Хам начал ныть:

– Долго еще ехать-то?

– Долго. Ты что, на чертеж не смотрел?

– На карте чего хошь намалевать можно... За неделю обернемся?

– И за месяц не обернемся. Хорошо, если за полгода. А то и за год.

– А срезать никак нельзя?

– Нельзя. Жаль, направление неудобное. Если бы двигались в другом, то могли бы перенестись в единый миг, через порталы МГБ. Но Ближнедальний Восток – вотчина наших конкурентов, АХИШей, там у Голдмана отделений нет. Придется пилить своим ходом.

– Ну, папаша, ну, удружил! Это же надо было такой подвиг для единственного сына выдумать! Где у него башка была, когда он про этот поганый Восток клялся! Опять же мечи какие-то дурацкие, принцессы никому не нужны, когда в каждой кибитке девочек полно, лапай – не хочу!

– То-то ты прыщи до сих пор не вывел. Хватит ныть, пацан. Квест как квест, как у каждого нормального принца. Радуйся, что тебя не послали Святой город Ералашалаим завоевывать или в Балалайские горы невидимую страну Камбалу искать.

– А чего делать-то?

– Слушай меня, и будешь жить долго и хорошо. Для начала запомни: мы путешествуем инкогнито, то есть не под своими именами. Никаких «Грядущих Хамов», никаких «Контеcс». Меня будешь называть... – я решила, что имя «Тесса» слишком известно среди профи, – ну, к примеру, Конни.

– Хорошее погоняло. Лошадиное. – Он заржал. – Запомнить легко.

– А ты будешь Хэм. Коротко и ясно, опять же, не запамятуешь. Ежели чего не знаешь – спрашивай у меня, но лучше без свидетелей. А на людях – говори поменьше. Ни на что не нарвешься и за умного сойдешь.

На ночлег остановились в чистом поле. Я расседлала и накормила лошадей, развела костер и приготовила ужин. Мой спутник валялся на травке и бил комаров. Я не возражала. Для него это подвиг, для меня – работа. И к тому же, если бы готовить взялся он, вряд ли его творение можно было бы есть. После ужина Хэм отвалился и захрапел, а мне пришлось спать вполглаза. Ладно, это пока территория его папаша, а дальше проблему с ночными дежурствами нужно как-то решать.

На рассвете я умылась из ручья и, чтобы не терять формы, принялась работать с мечом и кинжалом. Проснулся Хэм и, глядя на меня, тоже сделал несколько упражнений в стиле школы «беспорядочная распальцовка», но быстро выдохся и снова улегся на траву. Снова пригляделся.

– Слушай, у тебя же печати на оружии были! Ты их что, посшибала?

– Не, они растаяли в тот момент, когда мы подписали соглашение. Это же не простые печати, а магические.

– Здорово! – восхитился Хэм. – А ты сама... типа того... не ведьма?

– Нет. Несколько расхожих заклинаний знаю, и все.

– Жалко, – он поскущел. – Кто знает, что ждет нас впереди...

– Да не дрейф ты раньше времени! Ничего страшного в ближайшее время не ожидается.

– Ты же сама говорила, что дальше Волка не бывала!

– Ничего. Заволчье – место хоть и малоцивилизованное, но в народе известное. И о дальнейшем слыхивать приходилось. Так что пожевали – и вперед!

Так мы ехали меж холмов и равнин, которые в предсказанное картами время сменились лесами и пашнями Поволжья – края обширного, обильного, но беспорядочного. Хэм, однако, не унимался и продолжал жаловаться на свой жалкий жребий.

– Что это еще за имя для меча – «Рубило». Вот я, понимаю, были у великих воинов мечи с именами богатыми, звучными – «Дурень-в-даль», «Экс-калибр». А мне, надо же, – «Рубило»!

– Не горюй. Это еще не худшее имя для меча. Вот, помнится, одному воину достался в честном бою меч по имени «Флокс». То есть «Пламя» по-эллински. Так чего он только из-

за этого Флокса не натерпелся. Ежели противник, или, что хуже, соратник узнавал имя его меча, так тут же начинали допытываться, не разъездной ли он агент парфюмерной фирмы. И это еще не самое страшное, в чем его подозревали...

– А что самое страшное?

– Это тебе еще рано знать.

– А переименовать меч нельзя?

– Нельзя. Говорят, последствия будут необратимы.

– Тогда уж лучше меч без имени.

– А это неизвестно, что лучше – меч без имени или имя без меча.

– А что стало с тем парнем... который с Флоксом?

– Плохо он кончил. Свихнулся от постоянных наветов, перековал меч на маленькие ножики и стал страшным серийным убийцей по кличке Парфюмер... Но это – дела прошлые. А наша цель теперь – Волкодавль, столичный город и весьма торговый. Основан он на том месте, где, по преданию, основатель правящей династии задавил легендарного волка...

– А как он его задавил?

– По пьянке, я думаю, как же еще?

– А волки там по улицам не бродят? – с опаской спросил Хэм.

– Ты еще скажи – медведи.

Вообще-то волки и медведи в Поволчье еще водились, за исключением прославленных копытных медведей. Охотиться на них было исключительно царской привилегией, но в Поволчье действует негласный закон: «А мы чем хуже»? У царей же находились иные заботы, чем борьба за медвежье право.

Спокон веку на престоле Волкодавля сидела династия Иванов-Родства-не-Помнящих. Нынешний царь Иван Недееспособный по возрасту совершенно отошел от дел, и страной в качестве регента правил его сын Иван-царевич. На данный момент нас с Хэмом это не касалось, ибо наносить визит по сюжету нам было не положено. Я опасалась, что Хэм потребует, чтоб я, сообразно его высокому титулу, везла его не более не менее, чем ко дворцу, однако опасения мои оказались напрасны.

– Вот это да! – завопил наследник Великого Хама, когда мы миновали пригороды Волкодавля – Зимние Квартыры и Теплые Сортиры. – Вот это я понимаю – город!

Конечно, если бы он помыкался по свету, как я, столица Поволчья не произвела бы на него столь сильного впечатления. Но для парня, не видевшего ничего, кроме хамбургов, и Волкодавль сошел бы за чудо света. Отчасти этот город таким и был. Для построек в Волкодавле использовали основное природное богатство Поволчья – дерево. Уж сколько ни рубили здешние леса, а оно все не переводилось. Поэтому из дерева здесь были не только дома, но и городские стены, и мостовые. Приходилось мне слышать о каких-то «деревянных костюмах», но это, по-моему, из области фантазии. Здесь даже деньги были деревянные. Правда, имели они только местное хождение, но жителей Волкодавля это не смущало. «Главное, пусть строгоют побольше», говорили они между собой.

Были в Волкодавле и каменные постройки, например, храм, который мы миновали по пути. В Волкодавле поклонялись великой богине Ядреной Матери. Точнее, так именовалось ее самое могущественное воплощение. Всех же воплощений было великое множество, включая мужские. Из особо чтимых мне известны были Ядрена Феня, покровительница плотской любви, и Ядрена Вошь, символизирующая абсолютное зло.

Не углубляясь в дебри схоластики, скажу, что жители Волкодавля были весьма благочестивы, о своей богине в разных ее проявлениях не забывали и ежедневно приносили ей щедрые жертвы. Так что храм Ядреной Матери закупил в разных краях Ойойкумены кирпичей, мрамору, шиферу, плитки и прочих разных материалов, каковые можно было лицезреть, даже не входя в святилище.

Но в храм мы тоже не пошли, а направились в наиболее оживленную часть города, где обычно собирались приезжие, – Гнилой Базар. Назывался он так, потому что находился в непосредственной близости от речной пристани. Река же Волк в пору весеннего половодья заливала и деревянный настил улиц и площадей, и ближние строения, после чего они подгнивали.

Никого это не смущало. Река была одним из источников богатства города. Помимо того, что рыба здесь водилась в изобилии, по Волку еще и сплавлялись грузы. Правда, настоящих кораблей здесь не строили. Хватало лодок и плотов. А для тех, кто направлялся в Поволжье, существовали паромы. И нам тоже предстояло пересечь реку на пароме. Но это завтра... Нужно устроиться на ночлег и поужинать, прежде чем Колокол, за Базар отвечающий, возвестит о том, что торговля закончена.

К моему удивлению Колокол ударил в неурочное время. Такое бывало во время войны, пожара, того же наводнения. А сейчас ничего такого приметно не было, и народ как-то не очень волновался. Конечно, какие-то зеваки сбежались – отчего же не сбежаться, не поглядеть, не послушать.

На майдан вышли бирючи и заголосили.

– Люди добрые волкодавлевские и недобрые люди заезжие! Сильногомучие богатыри и поганые псы-рыцари! Хитроумные наши разведчики и коварные шпионы заморские! Снаряжайтесь, собирайтесь, коней борзых седлайте, мечи вострите, плащи и кинжалы пакуйте! Есть для вас заданье срочное! Похитил богомерзкий Тугарин Змиевич светлую царевну Милену Неможную...

– Опять! – вырвалось у меня.

Ближайший бирюч опустил глаза, но честно продолжал тарабанить свое:

– ...уволок ее в леса темные, в болота стоячие, за реки неизвестные. А кто вернет красавицу-царевну ее мужу законному, тому Иван-царевич из казны блестящих червонцев отсыплет, а деревянных настрогает немеренно!

– Его же вроде убили... Змиевича этого, – сказала я.

– Не, – хмуро сказал бирюч. – Это батьку его, Змея Горыныча. А ты, ежели очередь занимать не будешь, проезжай и место чужое не занимай! – и побрел дальше выкликать тот же текст.

Хэм вертел головой, ловя каждое слово, но пока, верный инструкциям, вопросов не задавал, избавив меня от не вполне пристойных объяснений.

Похождения супруги регента Милены, дочери Бухано-трескавского господаря давно стали в Поволжье притчей во языцех. Царевна наставляла супругу рога со всеми подозрительными личностями в окрестностях – и с Кашеем, и со Змеем, и с Лихом Одноглазым, и даже, кажется, с Бабой-Ягой. Нагулявшись же, она каждый раз возвращалась домой, заявляя, будто злое чудище ее похитило, а мимоезжий добрый молодец освободил. В добрых молодцах, как правило, недостатка не было. Иван же царевич каждый раз безропотно принимал ее обратно, да еще спасителя награждал, за что и получил от подданных прозвище Иван-дурак. Лично я думаю, что регент не был столь легковверен. Просто супруга наследника престола в Волкодавле одновременно являлась также верховной жрицей Ядреной Матери, а ссориться со жреческим сословием царевичу было ни к чему.

Убедившись, что очередное похищение царевны Милены никак не сказывается на повседневной жизни Волкодавля, я направилась в гостиницу «Белка и свисток», где у меня был открытый кредит. Выбрала я это заведение не из-за особых удобств. Просто так заведено – именно здесь, а не в «Копытном медведе» и не в «Рассвете полночи» собираются чужестранцы. Не исключено, что услышим какие-нибудь новости относительно нашего дальнейшего маршрута и его конечной цели.

Заняв смежные номера, мы спустились в зал. Лучше было бы оставить Хэма в номере, но удержать его не представлялось возможным. Он требовал компенсации за все предшествующие дни, когда вел себя пайнкой. Он желал смотреть, слушать, а больше всего – жрать! В дороге мы отнюдь не голодали, но теперь Хэма потянуло на местную экзотику.

Приволчанская кухня, на мой взгляд, тяжеловата и, безусловно, придется не по вкусу тем, кто любит жареное. Из напитков подают пиво, медовуху, а вино в те времена можно было найти только бухано-трескавское, поскольку монополию на торговлю вином в Волкодавле держал тесть регента. Но того, кто привык на завтрак, обед и ужин получать только конину и кумыс, волкодавльская кухня должна была поражать разнообразием. Хэм тут же заказал «всего и побольше», и едва яства начали ставить на стол, принялся кидаться от одного к другому.

Удостоверившись, что его внимание полностью принадлежит гречневой каше, жирной кулебяке и грушевому квасу, я оглянулась. Зал «Белки и свистка», как обычно, был полон народу. За соседними столами я увидела несколько знакомых рож. Здесь были: странствующий рыцарь Лонгдринк и старый пират Топлесс, степные батыры Бурта-Чино и Бура-Тино, варяги Торстейн, Эйнстейн и Финкельстейн, кельтские воины Блин и Скандал и прочие странники, нередко посещающие Гнилой Базар. У окна дремал жрец Ядреной Матери отец Гениталий. Ему не стоило беспокоиться за свою паству. Жители Волкодавли имели обыкновение поминать богиню всуе, и в зале то и дело слышалось имя богини во всех ее ипостасях. Ибо коренных приволчан в зале тоже было немало. Одни пришли сюда выпить и закусить. Другие вели дела с заезжими гостями, и не всегда эти дела были таковы, чтоб местные резчики могли вырезать их на Досках Почета, украшавших мостовую Гнилого Базара. Мало кто из местных не пытался обдурить глупых чужестранцев, и не мне было осуждать их – в какой стране поступают иначе? Вот и сейчас сквозь общий гвалт слышно было, как ушлый житель сватает иностранцу карту потерянного города Кипежа со всеми его сокровищами.

Этот легендарный город якобы стоял среди лесов Заволчья, где нынче-то и деревни попадались редко. Одни говорят, будто Кипеж непостижимым образом скрылся из виду, дабы его не могли найти нагрянувшие из Суверенного Оркостана на Заволчье злые вороги. Другие – что кипежане дружно направились в Волкодавль на ярмарку и так перепились, что не смогли отыскать дорогу домой. Что верно, то верно – леса в Заволчье повышенной проходимостью не отличались.

Поэтому грядущим искателям потерянного Кипежа могу только посоветовать пенять на себя. Это все равно что разыскивать невидимую страну Камбалу в Балалайских горах.

Хэм оторвался от миски со щами, к которым приступил после кваса, поднял голову. Взгляд его упал на близкосидящих кельтов, точнее, на их оружие.

– Эй, что это у них за хреновины?

– Тише ты, а то как вломят за оскорбление священного оружия...

– Тоже мне оружие – типа арбузов в сетке...

– Это не арбузы, а деил клисс. Выражение «забить мозгами» слышал? От него и пошло. У них так принято. Мозги убиенного противника смешивают с известкой и пользуют, как снаряд. Одновременно бьют врага и добывают новое оружие.

– А еще нас варварами называют, – пробурчал Хэм, но посмотрел на эконожных кельтов с уважением.

Но познавательная беседа тут же была прервана. Около стола возникла девица в платье, расшитом мишурой, и при большом количестве дешевых украшений из стекла и бисера. В Волкодавле их обычно носят служительницы Ядреной Фени, отчего эти украшения в просторечьи именуются «феньками». Волосы у девицы были распущены, опять-таки в знак ее служения, пряди падали на лицо, из-под них виднелись обведенные сажей глаза.

– Привет, люди добрые. Скучаем? Я Кики, могу вас развлечь. – Не дожидаясь приглашения, она плюхнулась на скамейку рядом со мной и, ухватив кружку из-под кваса, плеснула себе из баклажки медовухи. По местным понятиям она имела на это право. И восхвалять себя, расписывая, насколько она ядрена, тоже имела право. На то и кабак. Однако меня смущало то, что свои размалеванные глазки Кики строила не Хэму, а мне. Ладно, на нем не написано, что он принц, но все же... И когда она стала игриво подпихивать меня костлявым локотком, я вскипела:

– Отвали, Ядрена Вошь! Я не по этому делу!

Девушка отшатнулась.

– Так ты баба, что ли?

– А то!

Вероятно, она покраснела, но под волосами и слоем белил это трудно было определить. Едва не свалив скамейку, Кики бросилась прочь.

Ну вот, напрасно обидела девушку, со стыдом подумала я. Ошибочка вышла, при плохом освещении чего не бывает.

– Чего она умотала? – спросил Хэм. – Типа собирались хорошо посидеть...

– Это я тебе после объясню.

– Чего после? Чего после? Ты же говорила – вопросы задавать без свидетелей! А свидетелей-то и... есть.

Над нами, дыша перегаром, нависал Топлесс. Черная повязка на его незрячем глазу (говорили, что глаз он себе случайно выткнул сам, когда с похмелья брился ятаганом) сползла на нос, нос спорил цветом с малиновым кушаком, тщетно боровшимся с пузом.

– Здорово, как тебя?.. – Он, хоть и одноглазый, мою физиономию помнил, а вот имя, похоже, из памяти выветрилось.

– Конни, – подсказал Хэм.

Топлесс покосился на него и даже зачем-то сдвинул повязку.

– Твой пацан?

– Племянник.

– То-то я гляжу, для сына великоват, для любовника – хиловат. И на кой он тебе сдался?

– Везу его в Чифань, на экзамены.

Город Чифань на Ближневосточном Востоке находился где-то рядом с конечным пунктом нашего маршрута. И действительно был известен своими учебными заведениями. Топлесс – сплетник, и этим надо воспользоваться. Если кто-то выследит, что нас понесло на Восток, искать объяснений не придется.

Старик достаточно нагрузился, чтобы не задаваться вопросом, с чего нам понадобился Чифань, когда есть школы и поближе. Его посетила другая идея.

– Отдай-ка ты парня лучше мне! Вот пропью хабар – и вверх по батюшке, по Волку, – в порт, где стоит мой гордый корабль «Мизерабль». И снова мы выйдем в огромное море! Лучшее место, чтоб сделать из щенка человека!

При слове «море» Хэм позеленел.

– Ни за что!

– Ну, охота щенком оставаться – воля твоя!

Очень довольный своей шуткой, Топлесс отвалил, забыв подраться с кем-нибудь из нас. Посему я решила, что тоже могу перекусить, и, обнаружив среди всякой всячины на столе миску с рыбой, коей славилась река Волк, и бутылку сухого бухано-тресковского, придвинула их к себе. Пока что все было тихо-мирно. Относительно, конечно. К Блину и Скандалу подсел бродячий певец и завел слезную балладу о прославленном бойце зеленых полей Рональдо, который, будучи покалечен противниками и не в силах держать меч, ради куска

хлеба стал шутком при дворе вождя скотского клана Мак-Дональдов, и вынужден был кривляться перед толпами его малолетних детей.

Да, я клоун Рональд, так что же,
Пусть меня так зовут вельможи... —

старательно выводил он, но без особого успеха. Похоже, из музыкальных ладов, которые полагалось знать барду — музыки сна, музыки плача и музыки смеха, — певец освоил лишь первый.

Позади продавец Кипежа продолжал расписывать сокровища потерянного града.

— И речка из лунного серебра. Вся...

В общем, все было как обычно.

И пока я ужинала, у меня появилось дурное предчувствие. Нет, с качеством еды и напитков это не было связано. Просто слишком хорошо все складывалось. Шалава легко от нас отвязалась, Топлесс ничего не учудил, Хэм пока что меня слушался. Утверждают, будто в МГБ сотрудникам охраны вживляют индикатор опасности. По собственному опыту знаю, что это неправда. И все же я чувствовала, что мы, того и гляди, вляпаемся в неприятности порядка от средних до крупных.

Приближалась полночь, когда беда явилась откуда не ждали. И явилась-то она, собственно говоря, не к нам.

В дымном чаду воздвигся некий благообразный старец изрядного роста, облаченный в холщовые порты и с посохом в руке, и возгласил:

Плачу и рыдаю,
Егда наблюдаю,
Что творится в мире,
И, конкретно, на сей квартире!

По щекам его, действительно, струились обильные слезы.

— Это кто? — спросила я, обернувшись к соседнему столу.

Кипежанин, враз позабывший о своем потерянном городе, опасливо прошептал.

— Святой Траханеот Рыдалец. Пророк.

— Вроде не время и не место для пророков.

— А он в такие места рыдать ходит, чтоб к народу ближе быть...

— И что же я вижу? — продолжал святой Траханеот. — В прежние славные времена, когда царевен-то похищали, об эту пору уж войска бы собирались, по Волку корабли бы шли, становились под знамя Иваново чужеземные короли, герцоги, паханы и магнаты...

— Пахан — это что такое? — шепотом поинтересовался Хэм.

— Это на Святом языке значит «наместник», — пояснила я.

— ... а вы гуляете и пьете, как ни в чем ни бывало! И правильно делаете! — Святой Траханеот так шарахнул по полу посохом, что половицы застонали. — Потому что сие есть знамение! Ибо давно нарушен естественный порядок вещей! Мать-и-Матрица, божественная двоица из одного яйца, изначально правила миром! Но одна половина захватила всю власть, присвоив себе титул ядреной, сестру же свою изгнала из пределов мира. Но отвергнутая мстит, и мстя ее ужасна! Она крадет из мира сущности, заменяя их мнимостями, как суть видимости, содержащая пустоту. Нет никакой царевны Милены — есть лишь бестелесный призрак, точнее, череда фантомов, исчезающих и проявляющихся вновь. И ежели не восстановить божественную гармонию между Матерью и Матрицей, количество мнимостей

будет возрастать, поглотит мир и наступит полный Армагеддец! Предупреждаю: пала связь времен! А я, безумный, лезу на рожон!

– Заткнись, Ядрена Вошь! – возгремел бас отца Гениталия, очнувшегося от сладостной дремы. – Это царевна-то Милена – призрак? Сам ты фантомный! Уж мы ли с ней Матушке нашей Ядреной не служили!

– Охальник! С мнимостями знаешься!

– Вот я сейчас тебе сущности-то умножу! Не позволю оскорблять Ядрену Мать нашу!

И священнослужители кинулись друг на друга, размахивая один посохом, другой – жреческим жезлом. И ни один не попал, оба плавно уклонились от удара! То, что последовало дальше, назвать боем очень трудно, хотя это был именно бой. Стремясь достать друг друга, служители культов изгибались во все стороны под немыслимыми углами, каковые позвоночник нормального человека выдержать не мог. Слышала я про бытующую в здешних краях и строго засекреченную школу «выламывания», но видела впервые. Несомненно, большинство посетителей «Белки и свистка» – тоже, потому что многие повскакали с мест, чтобы лучше видеть. Но старцы не могли выламываться бесконтактно до бесконечности. Последовало несколько сокрушительных ударов, и в результате одного из них Траханеот пролетел через зал и впечатался в стену с такой силой, что с балок на нас посыпалась труха и тараканы. Однако святой даже не охнул и, не отлепляясь от стены, прицельно метнул свой посох. И промахнулся.

Посох проткнул кружку кельта Скандала, что, в принципе, не так уж страшно. Хуже то, что в данный момент Скандал из кружки пил. И посох поломал не только кружку, но и челюсть. Сам же кельт остался несломленным и, падая, успел перехватить свое национальное оружие и нанести ответный удар. Однако не учел, что угол падения не равен углу отражения, и жертвой его стал какой-то тип в полосатой фуфайке, стоявший возле Топлесса. Старый пират с криком «наших бьют!» выхватил ятаган... и началось.

Я понимаю, что ни один нормальный квест не обходится без хорошей кабацкой драки, но наблюдать это явление лучше всего со стороны. Быть в гуще событий – гораздо хуже, особенно когда трудно разобраться, кто, собственно говоря, здесь «наши». А как раз этот вопрос задал мне Хэм, приподнимаясь со скамейки. Ответить я не успела, поскольку была слишком занята. В моего подопечного летел метательный нож. Но застрял в табуретке, которую я выставила на траектории полета.

– Хэм, на пол! – скомандовала я. Что характерно, он послушался.

Табуретку пришлось разбить о голову забывшего о торговле кипежанина. При этом ножки (табуретки, а не кипежанина) выскочили из пазов. Благодаря чему в моих руках оказались две вполне приличные дубинки. Достойное оружие. Им, если действовать умело, можно даже сломать меч противника (кажется, это был Торстейн), что я не замедлила сделать.

Ситуация обострялась. Девицы и обслуга «Белки и свистка» попрятались под столами либо за стойкой. Остальные начали собираться по интересам: одни – вокруг Траханеота, другие – вокруг Гениталия, и двинулись друг на друга, а неприсоединившимся, кои были в меньшинстве, приходилось отбиваться с обеих сторон. Мелькали острые сабли, бойцовые грабли, ятаганы, кайданы и сарбаканы. Деил клисс Блина прорешетил толпу. Кто-то попробовал было выволочь тяжелое копье, но по древку пробежал какой-то тип в полосатых шальварах, совершил прыжок в стиле «полет фанеры над гнездом кукушки», оттолкнулся от потолка и пятою переломил копье пополам, после чего приземлился рядом со мной.

– Рыбин Гранат Кагор, мастер восточных единоборств, – учтиво представился он, не выказывая враждебных намерений. Поэтому дубинки я оставила для остальных, а новоявленный сосед тут же резво принялся делать подсечки и ставить блоки.

Между тем сторонники традиционного мировоззрения одерживали верх. Лонгдринк построил их «свиньей» и они клином врезались в ряды поборников низвергнутой богини. Образовалась куча мала, в глубине которой, судя по специфическим звукам, кого-то прикладывали об пол. Отец Гениталий, не имея возможности дотянуться до противника лично, подпрыгивал за спиной дерущихся, приговаривая:

– И по харизме его, по харизме!

Мне это уже стало надоедать. И не мне одной.

Рыбин Гранат повернулся и сказал огорченно:

– Вот заварилась катавасия какая...

– Выносим их, что ли?

– Выносим!

Обнаружив самую длинную скамейку в зале мы ухватились за противоположные концы. Старый Твердыня, хозяин «Белки и свистка», угадав наше намерение, распахнул настежь обе створки входной двери (в Волкодавле царит непонятный мне обычай одну створку двери непременно держать закрытой). И мы метнули эту скамейку так, что дерущихся скопом вынесло за пределы гостиницы. По инерции они проехали по площади, а следом выбежал Твердыня – забирать мебель. Мы выплянули наружу. Бойцы под влиянием свежего воздуха охолонули и начали разбредаться, а наиболее упорные отправились выяснять отношения в другие места. У самого порога лежал пророк, и слезы блестели на его озаренном лунной лице.

– Не повезло тебе, Неоша? – участливо спросил Рыбин Гранат.

– Ничего, зато слова истины все слышали, – бодро ответил Траханеот.

– Чего же плачешь тогда? – спросила я.

– А я всегда плачу, как на этот мир посмотрю. Аллергия называется.

– А ты чего меч-то не доставала? – полюбопытствовал Рыбин Гранат, отирая лицо хвостом тюрбана. – Согласно Святому Писанию? «Не обнажай в тавернах?»

– Не, просто размах не тот. Да ты и сам голыми руками дрался.

– У нас кодекс очень строгий. Мечом можно воспользоваться только после того, как пролили твою кровь. Если нет, перед боем ты сам себя должен поранить! Символически. А у тебя хорошо получалось. Хотя лучше гады только нава...

– Чего-чего?

– По-нашему «гада» – это дубинка, а «нава» – боевой шест.

Но мне было не до тонкостей военных единоборств. В зале «Белки и свистка» всюду шла уборка. Хозяин заведения не выглядел особо огорченным. Ну, немножко попортили мебель, но ведь она вся деревянная, а дерева в Волкодавле много. Главное – пожара не устроили, этого в деревянном Волкодавле боялись больше всего. А так – подмести полы, протереть стены – и можно снова запускать посетителей.

Но ни за столом, ни под столом, среди черепков посуды и выбитых зубов, Хэма не обнаружилось. Он исчез.

Я влетела вверх по лестнице, однако Грядущего Хама не оказалось и в номере, хотя все его вещи были на месте. Можно было еще сбегать в конюшню, посмотреть, не забрал ли он своего коня, но вряд ли стоило.

Вот и вляпались... Вот к чему относилось дурное предчувствие, а вовсе не к кабацкой драке.

– Ты что, парнишку своего ищешь? – спросил Твердыня, когда я вернулась в зал. – Его, пока вы тут махаловкой занимались, какая-то шалава увела, из пришлых...

– Она разве не здесь работает?

– Ядрена Мать! Да ни в жизнь!

Забрезжившая надежда без трудов найти Хэма угасла не разгоревшись.

Я снова шагнула за порог – там стояла полная тьма. Луна скрылась за тучами, и ни одна звезда не пронизала мрака. Колокол на башне храма пробил полночь.

Сделав несколько шагов, я споткнулась о чье-то распростертое тело. Это оказался пророк Траханеот. Во тьме его аллергия прекратилась, и он спокойно задремал. Пришлось потревожить его сон.

– Мужик, ты девку и пацана не видел? Такого, в кожаной тужурке и кожаных штанах.

– Как не видеть. Она его за собой в посад тащила.

– В который?

– В чужанский, в какой еще?

– Буйной молодости свойственны страсти, продажная красота легко воспламеняет их, – заявил Рыбин Гранат, тоже выбравшийся на площадь. – Не стоит ли предоставить юноше некоторую свободу? Если ты помешаешь ему, он не скажет тебе «спасибо». Нагуляется – вернется.

– Как бы ни так! Не тот это город! И полночь не та, – бросила я, срываясь с места.

Некогда говорил древнейший мыслитель Ойойкумены, прозванный Отцом Историй (за то, что вечно попадал во всяческие истории): «Воистину мудр тот, кто не разыскивает похищенных женщин». Трудно оспорить это замечание, но Хэм, не будучи женщиной, сам выпутаться не мог, вдобавок охрана его безопасности составляла мою прямую обязанность. А там, куда его повели, безопасности ему никто гарантировать не мог.

Волкодавль вообще-то гостеприимный город, в чем я не раз убеждалась лично. Но приецают здесь тех приезжих, кто имеет кошелек набитый, товары знатные и в гостях не задерживается. Иной прием встречают те, кто ни первым, ни вторым похвалиться не может, однако норовит осесть в Волкодавле. Честят их бродягами и мигрантами беспрописочными, работы в городе не предоставляют, а для жилья отведен им чужанский посад, и улицу, что туда ведет, перегораживают цепью, возле которой бдит стража. Потому как из чужанского посада выходят на промысел нищие калеки, в неведомых войнах пострадавшие, мамыши с замурзанными младенцами, да мнимые кипежане. В самом же посаде понастроены шинки, где подают не пиво и медовуху, а такие напитки, отведав которых добрый горожанин может и замертвоупасть. Говорят еще, будто здешние в бане не моются – а это последнее дело – и вместо Ядреной Матери поклоняются неведомой Кузькиной. Посадские же за честь почитают обмануть и ограбить зажавшегося горожанина. Драки между городскими и посадскими бывают такие, что наша нынешняя потасовка рядом с ними – что девичьи танцы на лугу.

И если б дело было только в этом, я бы нимало не беспокоилась. В любом городе есть подобные кварталы. Но приходилось мне слышать, будто – поскольку ни Ивановы стражники, ни жрецы в чужанский посад не суются – завелась там нежить, ничего общего с проповедями святого Траханеота не имеющая. Без всяких пустот и мнимостей, зато с клыками и когтями. В чужанском посаде документов ни с кого не спрашивают, вот они и селятся здесь. И среди нормальных посадских по ночам ни один двуногий из своих лачуг на улицу не суется.

Конечно, это могли быть только сплетни. А могли и не быть.

Рыбин Гранат зачем-то увязался со мной, но по благоразумию вперед не забегал. Ходить ночью по Волкодавлю – занятие не из простых, даже по главным улицам. В отличие от большинства других городов, по ночам фонарей здесь не зажигают, напротив – это запрещено. Причина, думается, ясна. Таковы здесь меры противопожарной безопасности. Летом в обывательских домах даже светильники жечь запрещается. Возможно, этот мудрый обычай и предупреждает случаи возгорания, но тьма по ночам в городе Волкодавле стоит кромешная. Потому оставалось лишь благодарить руководство МГБ, снабдившее меня заклинанием ночного видения, без которого я бы разбила голову о ближайший забор. Непрошенный спутник мой, таких преимуществ не имевший, двигался следом.

Благодаря этому заклинанию мне и предстало зрелище, полностью убившее вероятность того, что Хэм просто решил сходить налево из чересчур благопристойной «Белки и свистка».

Цепь уже не преграждала вход в чужанский посад, а, разорванная, валялась на земле рядом с распростертым стражником. Я нагнулась над ним.

– Оглушен. Очухается... Так я и думала.

Рыбин Гранат, изучавший цепь, повернулся ко мне.

– Почему?

– Стражник местный. За него бы мстить стали. Могут посад сжечь. Его убивать не станут. А Хэм – чужестранец.

Восточный единоборец снова поглядел на цепь, затем извлек меч из ножен и осторожно полоснул себя по мизинцу, так чтобы капли крови потекли на лезвие.

– Ты чего?

– Готовлюсь. Здесь ведь не человек поработал.

– Сама вижу. Человек бы цепь уволок и продал, на лом.

– Я не про то. Цепь не разрублена и даже не порвана. Она зубами перекушена...

– Тогда – вперед. Раз у нечисти есть зубы, значит их можно выбить.

И мы ступили на чужанскую территорию, находившуюся за пределами деревянного города Волкодавля, где кончались мостовые, а добротные дома сменялись халупами, неизвестно из чего слепынными.

Молва не солгала. Чужанский посад в ночное время казался вымершим, а ведь отребье, его населяющее, по преимуществу должно вести ночной образ жизни. Неужели все настолько запущено?

Ядрена Вошь! Если у этой твари здесь гнездо и она успела уволочь туда Хэма, мы до утра их не найдем.

Но Великая Богиня Волкодавля либо просто удача пока были на нашей стороне. Я увидела их в переулке, за покосившимся плетнем. И как только я их заметила, поняла, почему они не успели далеко уйти.

Девушка сидела у Хэма на плечах и ехала на нем верхом. А он малый был некрепкий, и даже если был зачарован (а это несомненно было так), сил это ему не прибавляло, и ноги он переставлял медленно.

– Стой! – завопил Рыбин Гранат.

Шалава спрыгнула на землю, мягко, как кошка – или нежить. У Хэма подкосились ноги, и он упал, как марионетка с перерезанными нитками.

Девушка – разумеется, та самая, из «Белки и свистка», – стоя на четвереньках, ослепила. Волшебное зрение позволяло видеть то, что осталось незамеченным в гостинице. Она не была набелена. Она было смертельно бледна от природы. И распущенные волосы в первую очередь скрывали нечеловечески длинные и острые зубы.

Рыбин Гранат выступил вперед. Меч он, однако, держал не боевым хватом, а так, словно старался отгородиться им от страшилки.

– Сделай так же! – услышала я его свистящий шепот. – Я много путешествовал, я знаю... Нежить боится холодного железа!

Как же! Я чуть не выругалась. Это на Западе она его боится. А здешняя и не думает. Местная нежить – она непродвинутая, она даже и не знает, что холодного железа надо бояться.

Этого, за отсутствием времени, я объяснять не стала, ограничилась тем, что бросила: «Здесь все по-другому», выламывая дыр из плетня. Если воткнуть ей в сердце, может и сработает...

Тварь захохотала. Зубы у нее были с зеленоватым отливом.

Нет, это не упыриха. С упырями борются с помощью чеснока, а в «Белке и свистке» чеснок кладут в каждое второе блюдо. Отпадают и оборотни, не выносящие серебра. Немало посетителей гостиницы серебром просто увешаны. И кол в сердце здесь не поможет...

И словно в ответ на мои мысли тварь начала расти. Изначально она была довольно мелкой, но через миг превосходила в росте и меня, и Рыбина. А еще через несколько минут – выше всех домов посада.

Но кто это? Я проклинала пробелы в образовании по части поволчанской нечисти и лихорадочно припоминала все, что знала. Злыдни, кощуны и недоли вроде бы все мужского пола. Лешие и водяные – тоже, да и в населенные пункты не суются. Но тварей женовидных здесь водится гораздо больше. Одних лихоманок – разновидностей не меньше дюжины. А есть еще мавки, самодивы, поедучие ведьмы... Хуже всего, если это окажется моровая дева. Убить ее можно, причем именно мечом, но только после этого непременно умрешь и ты...

Тварь, обнажив клыки свыше локтя длиной, нависла над нами и протянула к нам руки. Они все удлинялись и удлинялись, становились многосуставными.

Проклятье, как же она назвалась в гостинице? Какое-то типичное для веселой девицы имя... Фру-Фру... нет... Мими, Жижи...

Вспомнила!

– Я знаю, кто ты! Кикимора!

Руки, уже почти достигшие моего горла, отдернулись, и хохот умолк. Тварь по-прежнему возвышалась над крышами, озадаченно раскачиваясь.

Конечно, кикимора, малое божество ночи и сонных видений. Особо конкретно не любит мужчин и старается причинить им вред. Убить кикимору нельзя, но прогнать можно.

– Метла нужна! – крикнула я единоборцу.

– Боевая? – переспросил он.

– Обычная! Какой мусор выметают.

– Где же мы среди ночи метлу возьмем?

– Нужно работать с тем, что есть. Сойдет и швабра. От тюрбана кусок отчекрыжь!

Хвала Ядреной Матери, Рыбин Гранат не стал спорить, а поспешно отмахнул от своего головного убора кусок ткани. Я намотала его на конец дына и принялась мести улицу, приговаривая заклинание от кикиморы:

– Уходи, кикимора, от нас, уходи скорее, а не то задерут тебя калеными прутьями, сожгут огнем-полымем, зальют черною смолой. Слово мое крепко!

С каждым взмахом швабры кикимора уменьшалась в размерах. Вот она сначала обычного человеческого роста, вот своего первоначального... по пояс мне... по колено... И, наконец, стала такой маленькой, что улетела вместе с мусором, что я разворошила на земле. А Хэм чихнул и зашевелился.

Обратный путь он продолжал в диспозиции, обратной той, что привела его сюда – Рыбин Гранат взвалили его на спину и дотащил до гостиницы. Приводить его в чувство у нас не было времени, поскольку жители посадские могли набраться смелости и выбраться из халуп. Так что и от восточного единоборца в этом приключении оказалась польза. Но пока мы топали через город, я поклялась про себя, что гульливый мальчик в ближайшие две недели лошадей будет чистить сам. А пока хотелось добраться до гостиницы и поспать хотя бы пару часов.

Мы сидели у паромной переправы через Волк. Город, оставшийся позади, тонул в тумане. Только что рассвело, и завеса над темной водой едва начала расступаться. Хэм приутился на чурбачке и ныл. Причиной были отнюдь не события минувшей ночи. Они на психику наследника Великого Хамства никакого воздействия не возымели. А ныл он потому, что не выспался. И зачем было торопиться, когда все равно уплочено за полные сутки?

Однако я не хотела задерживаться в «Белке и свистке». С наступлением дня по реке пойдут лодки и торговые баркасы, мешающие паромному сообщению. А нам с лошадьми часами торчать на берегу – никакого смысла. Вдобавок у меня не было желания поутру встречаться с Рыбином Гранатом. Он с восходом солнца мог опаматоваться от ночного приступа благородства и потребовать компенсации за испорченный тюрбан и порезанный мизинец. Поэтому, возобновив съестные припасы, мы спозаранку покинули гостеприимный кров, и теперь торчали на сыром прибрежном ветру. Парома на этом берегу не оказалось, и оставалось ждать, пока он появится. По какой причине паромщик застрял на той стороне Волка, можно было лишь гадать. Перевозчики – существа странные и непредсказуемые. Когда-то маг Абрамелин поделился со мной следующей теорией. Согласно древнейшим человеческим представлениям всякая переправа через реку есть переход в Иное царство, момент смерти и воскрешения. Посему перевозчик есть своего рода жрец, осуществляющий Обряд Перехода, и одновременно психопомп-душеводитель. Отсюда и презрение, с которым обращаются они со своими клиентами. Не знаю, не знаю, но на всякий случай я заучила несколько ритуальных формул, связанных с переправами. И когда мне почудилось, что за млечной пеленой мелькает какая-то тень, я выкрикнула одну из формул призывания:

– Сюда, сюда, угрюмый перевозчик!
Пора разбить потрепанный паром
С разбега о береговые скалы!

– Я тебе дам «разбить»! – донеслось из-за тумана. – Ишь, выискалась, умная!

– А ты побольше нас ждать заставляй, я тогда еще и не то скажу.

Паром мягко ткнулся в песчаный берег, и перевозчик стал зримым. Он выглядел не столько угрюмым, сколько жуликоватым – ехидный дедок с обветренной рожей. Пока мы с ним торговались относительно платы за перевоз (в принципе, такса известна – по два медяка на душу, но я не встречала еще перевозчика, который не пытался бы взбить цену), Хэм вел себя спокойно. Но когда стали заводить лошадей, Хэм, едва ступив на паром, выскочил назад.

– Он же на воде! – с ужасом завопил он.

– А ты как думал?

– Но... Я же говорил! Меня укачивает.

– Послушай, мы на реке, а не на море. Видишь, какая вода спокойная. Здесь не укачивает. – Вообще-то в бурю на Волке штормило так же, как на море, однако об этом сообщать Хэму я не собиралась.

– А вдруг потонем? Там, небось, глубоко... И вообще, что это за плавсредство! Я еще понимаю, корабль...

– Тебя на пароме плыть никто и неволит, – обиделся перевозчик. – Цепляйся поясом и плыви так. Заодно и помоешься.

Подобная перспектива Хэма вовсе не обрадовала, и он с видом мученика двинулся за нами, а оказавшись на пароме, уселся, обхватив колени руками и уткнувшись в них лицом, дабы не видеть омерзительной воды. Паромщик оттолкнулся от берега, и мы покинули землю, подвластную Ядреной Матери. Пока паром медленно пересекал великую реку, туман почти совсем развеялся, и оказалось, что на Волке мы были не одни. Из-за острова на середине реки vyplыл расписной челн, переполненный публикой самого уголовного вида. Я поневоле потянулась к оружию, предвидя грядущий абордаж.

– Охолони, – сказал паромщик. – Они сейчас другим развлекаются.

На носу челна здоровенный амбал в красном кафтане – атаман, надо полагать, – схватил возлежавшую рядом пышнотелую красотку и швырнул ее за борт. Красотка не только

не пошла ко дну, но даже и не погрузилась. Атаман принялся лупить по ней веслом – и без всякого успеха.

– Не тонет! – с отчаянием восклицал он. – Она не тонет!

Ветер гулко раскатывал голос атамана над волнами.

– Говорил я тебе, надо было живую брать, а не надувную хитить, – заявил другой недобрый молодец, очевидно, есаул. – А ты заладил: «Отстань, серость, теперь у настоящих мужиков так принято...!»

– И так каждый раз, – вздохнул паромщик. – Ладно, поплыли дальше. – И, напевая «Атаманы мои, растаманы», повлек паром к левому берегу, темная громада которого все ясней рисовалась перед нами.

Оказавшись на суше, Хэм отмяк, разомкнул глаза и даже помог вывести лошадей. Но когда мы пересекли песчаную косу, отделявшую реку от леса, он задержался и пробормотал:

– Так вот ты какое, Заволчье...

Зрелище было впечатляющее. До Волкодавля мы тоже ехали по лесистой местности, но и не великий знаток лесонасаждений мог отличить березовые рощи, дубравы и корабельные сосны, окружавшие столицу Поволчья, от хмурого бора, вставшего стеной у нас на пути.

– Где же дорога? – озадаченно спросил Хэм.

– А в Заволчье нет дорог. Хорошо, если тропу проезжую найдем.

– Как же купцы с этого берега товары возят? – любопытствовал он.

– Они по реке сплавляются, – И, предупреждая следующий вопрос, я добавила: – Оттого и разбойнички здешние на реке промышляют. Ты и сам видел. Хотя, да... – вспомнила, что он всю переправу просидел с закрытыми глазами.

Тропа таки нашлась, и очень скоро, и, сверившись с картой Зайгезунда, я удостоверилась, что ведет она в нужном направлении. Ближайшим населенным пунктом на пути была деревня Кидалова, а пройдя от Кидалова до Мочилова, можно было считать, что Заволчье осталось позади. Но пока что мы находились в самом начале очередного этапа.

И мы ступили под сумрачные своды заволчанского леса, не знавшего царившего вокруг блеска и сияния летнего дня. Проще говоря, темно там было, сыро и холодно. Толстенные слои паутины, протянувшиеся между вековыми стволами, и мохнатые лапы темных елей не пропускали солнечных лучей.

– Мрак, – Хэм поежился в седле. – Жуть. Хорошо, хоть разбойников не встретили.

– А это не факт.

– Ты же сама сказала, что они здесь не промышляют!

– А живут они, по-твоему, где? Работают на реке, хабар спускают в Волкодавле, а гнездо у них здесь, в Заволчье. Будем надеяться, что в нерабочей обстановке они на людей не нападают. Хотя готовиться надо ко всему.

– Ну, утешила. Кто еще здесь есть? Говори уж сразу!

Я задумалась.

– Насколько мне известно, где-то в Заволчье обитает Баба-Яга, авиамоделистка-любительница. Она раньше жила в Волкодавле, но ее аппараты тяжелее воздуха периодически падали на город, производя взрывы и разрушения, и ее изгнали. В город она, правда, все равно навещается, я ее там встречала. Есть подозрение, что Баба-Яга промышляет контрабандой, перегоняя по воздуху беспрошечно товар в сопредельные страны. И то верно – деньги ей нужны, на деревянные запчасти не купишь. Но уличить ее никому не удалось. А все, кого подозревали в сообщничестве, отпирались, утверждая, что добром Баба-Яге ничего не отдавали, а она незаконно хитила. Вот и царевна Милена то же говорила.

Я замолчала, потому что меня посетила некоторая идея. Баба-Яга могла добросить нас если не до самого Ближнедальнего Востока, то хотя бы до Страшных пустошей. Но, поразмыслив, пришлось эту идею отвергнуть. Летательный аппарат Бабы-Яги типа «ступа» имел

ограниченную грузоподъемность, и, даже если бы мы с Хэмом туда поместились, припасы и лошадей пришлось бы бросить, что не весьма благоразумно. Безопасность в полете тоже внушала сомнения. Баба-Яга, испытывая новые модели ступ, несколько раз разбивалась и получала серьезные травмы, в результате чего ей пришлось ампутировать ногу. И вообще, не люблю я летать! Просто ненавижу!

Не знаю, какие мысли насчет заволчанских разбойников и Бабы-Яги посещали моего спутника, но на время он притих и вопросов не задавал. Может, он честно исполнял пожелание «готовиться ко всему» и ловил каждый хруст ветки, каждый посвист незнакомой птицы, который вполне мог стать сигналом опасности.

Но ничего такого до вечера не случилось. Стали на ночлег, развели костер. И тут он снова поинтересовался:

– А может, тут и звери хищные есть, чудища всякие...

– Звери непременно должны быть – в таких-то лесах. Волки там, кабаны... медведи опять же...

– Может, тут и копытные медведи сохранились... и другие чудовища...

– Копытный медведь – это что. Вот косолапая лошадь и волосатая змея – действительно монстры.

Хэм содрогнулся.

– А ты их встречала?

– Встречала. Но не здесь. И вообще, ты не Заволчья бойся, ты другого бойся.

– А... чего?

– У нас впереди принципат Ля Мой и столица его Даун-таун. Очень странное, говорят, место.

– Чем же оно странное?

Я постаралась вспомнить все, что слышала о стране Ля Мой от тех, кто там побывал.

– Начать с того, что тебе крепко повезло, что одет в кожу, а не в меха. За меховую одежду в Даун-тауне могут избить, а то и просто убить. Это тебе не Волкодавля, где чем больше мехов на тебе, тем больше и почета.

– За что ж такое злодейство?

– А это потому, что меха с живых тварей сняты. То есть сначала убитых, а перед тем живых.

– Так ведь кожи тоже с убитых, но перед тем живых тварей сняты, – совершенно резонно возразил Хэм.

– Так ведь дауны! У них, например, «маршалом» именуют начальника городской стражи. Вообще же об их системе управления у меня представление смутное. Что же до их религии, знаю, что есть у них божество со странным именем «коренное население». Они его сначала принесли в жертву, а теперь ему поклоняются.

– Нормальный ход, – одобрил Хэм.

Больше я ничего не успела сказать, потому что послышался тоненький голосок:

– Скажите, пожалуйста, вы, случайно, не охотники?

Я вскочила на ноги, выхватив меч. Очень мало кому удавалось подобраться ко мне незаметно, а вот эта малышка сумела. Потому что в круге света перед нами появилась именно маленькая девочка с корзинкой в руках. На ней было аккуратное платьице с вышитым корсажем, совершенно неуместное не только в темных заволчанских лесах, но и на улицах Волкодавля, на кудряшках красовался головной убор красного цвета, также производивший некое чужеродное впечатление.

– Тогда, может быть, вы лесорубы? – продолжала допытываться она.

– Нет, и не лесорубы тоже.

– Тогда, значит, вы разбойники, – при этом утверждении она не выказала никакого страха.

– Да с чего ты взяла?

– Моя мама учила меня, что в лесу встречаются только лесорубы, охотники и разбойники.

– Грех, конечно, подрывать у молодежи веру в авторитеты, но в лесу встречается множество самых разных людей. Например, грибники.

– Грибники – это разновидность охотников, – непререкаемым тоном заявила девочка. – А вы можете быть разновидностью разбойников – у вас есть мечи.

При этих словах я задвинула оружие в ножны, чтобы не усугублять впечатления.

– Лучше считай нас разновидностью грибников – они тоже ходят с ножами.

– А что вы здесь делаете?

– Между прочим, могу задать тебе тот же вопрос. Ты заблудилась?

– Наверное, – она вздохнула. – Меня зовут Малютка Шапоруж. И мама послала меня к бабушке с гостинцами.

– Из Волкодавля?

– Нет, что вы, мы живем очень далеко отсюда. Вон там, – она махнула рукой куда-то в юго-западном направлении.

– То-то я гляжу, одета ты не как местные.

– Я очень давно иду... иду... иду... гостинцы пришлось все съесть... можно мне возле вас остаться? Хотя бы на ночь?

– Ах, вот оно что! – вскипел Хэм. – Тетенька, тетенька, дайте попить пожалуйста, а то так есть хочется, что аж переночевать негде!

– Спокойно, парень. – Я села и вынула из сумки лепешку и протянула Малютке Шапоруж. – Садись, девочка, к огню. Меня зовут Конни, вот он – Хэм. Поужинай с нами, а потом подумаем, как с тобой быть.

– Вот именно! – буркнул Хэм, истолковав мои слова несколько превратно.

Девочка ела быстро, но аккуратно, не теряя ни крошки.

– И где живет твоя бабушка? – спросила я, когда она покончила с лепешкой.

– В одиноком домике за лесом, а лес за деревней...

– И сдается мне, что деревня эта называется не Кидалово.

– Не знаю, – спокойно отвечала Малютка Шапоруж. – Может быть, и Кидалово.

– Как же ты передвигаешься при таком минимуме исходных данных?

– А по солнцу. А по ночам – по звездам.

– Тогда не мудрено, что ты заблудилась. Здесь и днем видимость плохая, про ночь и не говорю...

– Что же мне делать? – она задумалась, но ненадолго. – А вы направляетесь в это... Кидалово? Можно мне с вами? Там я могла бы расспросить о бабушке...

– Еще чего! – возмутился Хэм. – Сдается мне, что эта сопля – наводчица у разбойников.

– В таком случае нам лучше иметь ее на виду, – возразила я.

– Верно, – согласилась Малютка Шапоруж. – И я ведь рискую больше вас. Разве вы не можете оказаться подпольными работоторговцами?

– Почему подпольными?

– Прекратить дебаты, – скомандовала я. – Ложитесь спать. Хэм, твоя смена – вторая.

– А малявка третьей будет?

– Она будет спать. Детей на часах не ставят.

– Ничего себе! А я как же?

– Как с кикиморами по шалманам шляться, так он мужчина, а как сторожить, так сразу дите... Хватит. Всем спать.

Кидалово оказалось небогатым селом, затерявшимся среди высоких лесов. Его окружали участки выжженной земли, пригодной для пахоты. Нива не производила впечатления обильной. Впрочем, приходилось выдвигать мне места и похуже. При въезде в деревню мы не встретили ни единой души, и это настораживало. Однако Кидалово было обитаемо. В теплой пыли купались тощие куры, псы побреживали из-за плетней. Не видно было только людей.

Все разъяснилось, когда мы проехали вглубь деревни. Народ столпился на площади. Старых, малых и женщин, как водится, вытеснили в задние ряды, но не вполне обидели – мужик, устроившийся на крыше самой высокой избы, сообщал о том, что происходит внутри.

– ...и наносит удар за ударом! Неустрашимый пятится. Могучий бьет снова! Справа! Слева! Снизу! Сверху! Задай ему! Выпусти ему потроха! Но что я вижу? Неустрашимый собрался! Он бьет в ответ! Из Могучего летят пух и перья... Да что ж ты, Мотя... – скорбно протянул он, когда зрители потрясенно ахнули. – Быть тебе нынче в чугуне, яблоками начиненному...

Из толпы вышел понурый мужчина, волоча за крыло не менее понурого гуся. Если Могучему и впрямь предстояло быть сегодня съеденным, то ощипывать его долго не придется. Проигравшиеся сельчане извлекали из кисетов деревянные и отдавали их бойкому румяному старичку, очевидно, старосте.

– Вот так и живем, – сообщил он мне, когда я спросила, можно ли переночевать в селе женщине с двумя детьми (согласитесь, что это звучит лучше, чем «женщине с мечом, четверкой коней, арбалетом и еще кое-чем в потайных карманах»). – Я что, удовольствия ради гусиные бои устраиваю? Провизию, стыдно сказать, аж в самом Волкодавле закупаем. А что делать? Земля у нас неплодородная, урожаи плохие, да и зерно молоть негде.

– Что, мельницы нет?

– Мельница есть, да мельник сбег. То есть, сперва дочка его, видишь ли, опозорила – в комнатные девицы к царевне Милене подалась, а потом и он дело забросил и ушел на Волк к лихим людям...

– Постой, это не его я на реке видала – он все бабу символическую топил и потопить никак не мог?

– Может его... а может, и нет... Охотников засорять Волка-батюшку нынче много развелось... Так, бишь, о чем я? О том, что прожить трудом крестьянским никак невозможно. Баклуши вот бьем, исконный наш заволчанский промысел...

– И все?

– Да что ты! Мужики и бабы у нас смышленные, в отхожие промыслы пускаемся. Груши околачиваем, шнурки от галош гладим, мозги пудрим, лапшу вешаем, на ходу подметки режем, соловьев баснями кормим, зубы заговариваем...

– А лыко вяжете?

– Нет, лыка не вяжем... А еще мы выгуливаем собак!

– Ладно, старинушка, не отвлекайся. Так переночевать можно у вас?

– Отчего ж нельзя? Только постоянного двора нет у нас больше, с тех пор как в Мочиловскую сторону никто не ходит.

– Где ж ночевать-то?

– А где хотите. Хоть на мельнице, пока она еще не развалилась... Пойдем, я покажу где.

Покуда мы поднимались на холм, над ручьем темнела печальная руина мукомольного заведения. Я спросила у старосты:

– А почему, дедушка, на Мочилову люди ходить перестали?

– И туда перестали, и оттуда! Может, оно для торговли-обмена и в убыток, а своя шкура все-таки дороже. И душа – тоже.

– Что, разбойнички замучили?

– Куда там! Рабойники – они свои, с ними завсегда договориться можно. Опять же нечисть местную мы наперечет знаем, и привычки ейные... А там свирепствует злой демон Лахудра-душераздираатель. Души, говорят, из людей вынимает и в клочья рвет.

– Откуда же он взялся?

– А кто его знает! Ясно, что пришлый, у нас такой пакости сроду не водилось. У нас если чего дерут, то шкуру...

После чего мы попрощались со словоохотливым старцем (он, правда, еще кричал вслед что-то про бабку Лепестинью, которая знатной медовухой торгует, «заодно бы вас и помянули...») и поднялись к мельнице. Она еще не развалилась. И это было ее единственное достоинство. Впрочем, Малютка Шапоруж тут же соорудила веник, нашла какие-то тряпки, притащила из ручья воды и скоренько превратила horrog vacui в место, пригодное для ночлега. Глядя, как ловко она управляется, я спросила:

– Может, тебе лучше пойти в деревню, поспросить про бабушку?

– Нет, – отрезала она, – это не та деревня, рядом с которой живет моя бабушка. Нужно идти дальше.

– Но ты слышала, что говорил староста? Дальнейший путь опасен. Тебе лучше остаться здесь. По-моему, кидаловцы – люди не злые.

– Слышь, Шапокляк, Конни дело говорит! – поддержал меня Хэм.

– Шапоруж.

– Какая разница. Короче, мы тебя до деревни довели, и хватит. Будешь еще мешаться в решающий момент. Нам ведь демона предстоит мочить. Я правильно врубаюсь?

Я пожала плечами.

– Не знаю.

– Как это «не знаю»? Обходных путей, что ли, будем искать?

– Если бы здесь имелись обходные пути, кидаловцы давно бы их нашли. А насчет прочего... Видишь ли, убийство демонов и чудовищ – не моя специальность. Этим занимаются ведьмаки, драконоборцы и прочие супергерои. А я – простая контрактница. Поэтому, если это не оговорено в моем контракте особой статьей, я, охраняя объект, в данном случае тебя, стараюсь решать проблемы по-возможности без мокрухи. Как это было в случае с кикиморой. Хотя да, ты опять-таки не видел. Теперь у нас, правда, ситуация будет посложнее...

– Почему?

– Когда я поняла, что тебя утащила кикимора, то смогла применить соответственное заклинание. А про демона Лахудру я вообще никогда прежде не слышала, и природа его мне неизвестна. Ничего, будем импровизировать.

– Здорово! – По-моему, он решил, что «импровизировать» – это применять какой-то особый боевой прием. И, в сущности, был не так уж далек от истины. – А малявку Муленруж предлагаю связать и оставить тут, на мельнице. С голода не подохнет. Если орать примется, местные прибегут и развяжут. Зато мы от нее избавимся раз и навсегда.

– Я бы не стала утверждать этого столь категорически, – ледяным голосом возразила Малютка Шапоруж.

– Слушай, Конни, чего эта сопля к нам привязалась?

– И этого я бы не стала утверждать. Мне вовсе не вы нужны. Я должна найти бабушку, а с вами мне просто по дороге.

– Вот мерзкий младенец! – Хэм плюнул на свежeweымытый и усыпанный сеном пол. – Интересно, откуда такие берутся?

Прежде чем я успела вмешаться, Малютка Шапоруж ответила:

– Я думала, тебе уже объяснили, откуда берутся дети!

– Не, эту малявку демон не разорвет! Я ее сам раньше убью! – Хэм попытался вскочить, но я поставила ему подножку.

– Эй, детский сад, уймись! Мельницу всю развалите. Отбой!

– А как же демон? – в один голос воскликнули Хэм и Шапоруж.

– Об этом я подумаю завтра. Как говорят в Волкодавле – утро мудрее вечера.

Может, насчет мудрости поволчанская поговорка и ошибалась, но очередной сюрприз утро определенно принесло.

Когда на рассвете мы спустились в Кидалово – Хэм что-то ныл насчет парного молока перед дорогой, Малютка Шапоруж помалкивала, но всем своим видом красноречиво выражала согласие, – то снова встретили старосту.

– Ядрена Мать! – благочестиво приветствовал он нас на столичный манер. – Радуйтесь, люди! Ежели вы еще не передумали в Мочилову идти, то я вам спутника нашел... блюстителя, чемпиона и поборника, так сказать...

На сельской улице, верхом на тонконогом золотистом коне красовался стройный всадник. Я сразу узнала его, хотя он прибавил к своему одеянию красный плащ, и перемотал тюрбан.

Сунув Малютке Шапоруж горсть отложенных на молоко деревянных, я подошла к Рыбину Гранату Кагору.

– Ты что, за нами ехал?

– Отнюдь. – Он подкрутил усы. – Но поскольку вы направляетесь на Ближнедалний Восток, я решил, что нам будет по пути.

– С чего ты взял, что нам в ту сторону?

– В «Белке и свистке» говорили. Разве вы едете не в Чифань?

– Слухами земля полнится, – проворчала я.

– И вообще вы должны радоваться, что я первым вас нагнал.

– С чего вдруг?

– Проповеди этого безумца, святого Траханеота, возымели действие, и несколько воинов снарядилось на поиски Милены Немойной. Царевна же, вместе со своим похитителем, по сведениям, доставленным Бабой-Ягой, обретаются где-то в Заволчье.

– Но ты не объяснил, почему мы должны радоваться именно тебе из всех ратоборцев Волкодавля.

– Потому что, возможно, нам предстоит встреча с демоном Лахудрой.

– А ты его знаешь?

– Нет. Но я кое-что о нем слышал... там, на Востоке. Он бесчинствовал в Балалайских горах, но Индра и Рудра прогнали его оттуда небесной скалкой, которой прежде раскатывали амриту для небожителей. Однако никто не предполагал, что он сумеет забраться так далеко на Север.

– Н-да. Ума не приложу, как твои сведения помогут справиться с демоном.

Подошла Малютка Шапоруж с кринкой молока и подала его Хэму, молча слушавшему наш разговор. Тот выглохтал содержание кринки, пробормотав «не кумыс, но тоже ничего», и отер молоко с губ.

– Мы едем дальше или нет? – осведомилась девочка.

Рыбин Гранат внимательно оглядел ее.

– Откуда ребенок?

– Из лесу, вестимо. Увязалась вот, к бабушке просится...

– А вы уверены, что не собираетесь принести ее в жертву?

– Я – только за! – воскликнул Хэм. – А что, можно?

Рыбин Гранат перевел на него тяжелый взгляд.

– У жителей Запада бытуют совершенно дикие представления насчет того, что чудовища находят какой-то особый вкус в девственницах. Не мудрено, что нечисть у вас так расплодилась. Ежу понятно, что наилучшая добыча демона – мудрец, предававшийся аскезе не меньше тысячи лет. Лучше всего – стоя на одной ноге между двумя кострами.

– Это ж до какой степени он проявится? – ужаснулся Хэм. – Там и есть нечего.

– В любом случае у нас такого нет. А жертвоприносить девочку мы не собираемся. Тем более, что, по твоим словам, это бесполезно.

– А что, если, типа, на живца демона половить? – снова выступил Хэм.

– Я согласна, – твердо сказала Малютка Шапоруж, и уточнила, – быть живцом.

Я развела руками.

– Вот так и живем, как здешний староста выражается. Сдается мне, после этих ребятишек общение с демоном будет сущим удовольствием.

– Сомневаюсь, – сухо промолвил Рыбин Гранат. – Мы едем или нет?

– Что ж, если ты по-прежнему намерен сопровождать нас и тебя волнует судьба Малютки, сажай ее к себе в седло.

– Правильно! – поддержал меня Хэм, которому пришлось везти Малютку Шапоруж минувшим днем. – Мы скакали, мы скакали, наши лошади устали...

Это он, положим, врал. Мы не скакали, а ехали шагом – на лесных тропах особо не разгонишься, и лошади наши были повыносливее, чем золотистый скакун Рыбина Граната. Однако я не стала опровергать Хэма. Пусть те, кто навязался к нам в спутники, заботятся друг о друге, у меня есть иные заботы.

Так мы покинули гостеприимное Кидалово, и темные своды заволчанских лесов снова сомкнулись у нас над головами. Я ехала впереди, за мной следовал Хэм с выючными лошадьми, Рыбин Гранат с Малюткой Шапоруж замыкали процессию. Кони мерно ступали по мху и палой листве, ветер гулял над кронами деревьев. Мои размышления о природе предстоящей встречи были прерваны очередным вопросом Хэма.

– Слушай, Конни... А пот почему говорят: «Всю жизнь ждала принца – и не дождалась»? Типа их не хватает, что ли? А принцесс почему тогда столько водится?

– Хороший вопрос... Девочек вообще больше рождается, что в бедных семьях, что в правящих. А в монархии по наследственному праву не всякая попадает. Хотя многим хочется. Вот они и сидят, ждут, потому как в отличие от принцев, пассионарностью редко страдают...

– А пассионарность – это что такое? – в голосе Хэма послышалось опасение человека, только что узнавшего о новой заразной болезни.

– Это когда без царя в голове и семь верст – не крюк.

– Люди! Где вы!

От пронзительного вопля наши с Хэмом лошади шарахнулись, а нервный жеребец восточного единоборца поднялся на дыбы и заплясал на задних ногах. Малютка Шапоруж вылетела из седла, но ловко спружинила при падении, откатилась из-под копыт, и отскочила в сторону.

– Ядрена Феня!

Сквозь заросли на тропинку прорвалась женщина, явно не из числа местных селянок. Ее алое платье чифаньского шелка не предназначалось для пеших прогулок по лесу и сильно пострадало при соприкосновении с сучьями и колючками. Прореха на боку обнажала крутое бедро. Пышные волосы, рассыпавшиеся по плечам, были того дивного белокурого цвета, которого умеют добиваться лишь куаферы высокого класса. Устремив на нас прекрасные воловь глаза и простирая белые руки, она воскликнула глубоким контральто:

– Наконец-то!

Хэм рванул поводья, осаживая коня.

– Назад! – крикнул он. – Это демон Лахудра! Заманивает! В облике жены багрянооде-той!

– Нет, – сказала я. – Это царевна Милена.

– Вот именно, – подтвердила красавица. – Мы что, были представлены друг другу?

– Отнюдь. Но мне приходилось наблюдать парадный выезд Иванов.

– Так вы можете мне или нет? – нетерпеливо осведомилась Милена. При этом она, несмотря на внешний эффект своего появления, не казалась испуганной или излишне взволнованной. – Двое суток уже питаюсь исключительно орехами и ягодами. Разве это еда для здоровой женщины в расцвете лет?

– Еще чего! – Хэм совершенно пришел в себя после недавнего испуга. – Мало того, что нас всякие соплюхи объедают, так еще и эта! Ладно, девчонка мало хакает, а в большую-то сколько влезет!

Рыбин Гранат кашлянул.

– Позвольте, ваше высочество... а где ваш... – он несколько замялся, – спутник?

Малютка Шапорож вышла из-за дерева и взглянула на царевну.

Та отозвалась.

– А его демон Лахудра убил...

– Ситуация требует осмысления, – сказала я. – Привал.

Царевна Милена сидела на попоне, постеленной Рыбином Гранатом, и поедала наши припасы, возобновленные в Кидалове. Рядом Хэм коротал время в мучительной борьбе с традиционной для его народа жадностью и одновременно – с возрастными комплексами. Малютка Шапорож помалкивала.

– Итак, царевна, – спросила я, когда она насытилась, – вам было известно о том, что в Заволчье объявился демон Лахудра?

– Конечно. Во дворце все об этом знают. Иван – не такой дурак, как люди думают, разведка у него работает.

– И Тугарин тоже знал? – уточнил Рыбин Гранат.

Милена кивнула.

– Как же он рассчитывал пересечь с вами эту территорию?

– А по воздуху. – Милена вздохнула. – Говорил, что унесет меня на крыльях любви. Крылья у него и вправду имелись, собственной конструкции. Он не планировал приземляться в Заволчье, первая остановка у него была намечена в Суверенном Оркостане. Да только дождь пошел... а крылья оказались бумажные... Пришлось садиться.

– Из этого следует, – сказала я, – что демон Лахудра не умеет летать. Правда, пока не вижу, чем это нам может помочь...

– Да что ты ее слушаешь? – вмешался Хэм. Очевидно, жадность не только победила, но и перешла в наступление. – Откуда мы вообще знаем, что она и впрямь не демон перекинувшийся! Да тут любой может демоном оказаться! И малявка! И этот дядька!

– Молодой человек, – сурово перебил его Рыбин Гранат, – попридержите язык. И кроме того, – добавил он, – на Востоке я никогда не слышал, чтобы Лахудра обладал способностями к оборотничеству.

– Так, две характеристики уже имеются. Осталось немного – узнать, на что он способен и как его победить. Царевна, вы в состоянии описать встречу с демоном?

– Отчего же не описать? – Милена наморщила лобик. – Идет он нам навстречу, еле над травой видать – мелкий такой, противный... Тугаринушка саблю достает, а тот ему говорит, погоди, сейчас я у тебя душу выну. Причем, как говорит, непонятно, у него ж головы не было. Из пуза, что ли, голос шел...

– А может, и не из пуза, – выступил с предложением наследник Великого Хама, но я прервала его.

– Хэм, молчать!

– Короче, Тугарин сабелькой замахнулся, а эта тварь как начала расти, расти, соком наливаясь, отовсюду у нее отростки полезли. Тугаринушка весь побледнел, а потом стало его плющить и колбасить – ужас! Я не выдержала, убежала. А когда вернулась – все, одни клочки по закоулочкам.

Мы почтили молчанием память несчастного влюбленного.

– Да не расстраивайтесь вы! – воскликнула Милена. – Он был тиран и деспот. Требовал, чтобы я варила ему по утрам каву и стирала носки. Это посреди леса-то! Я думала – широкая оркостанская душа, а он...

Мы с восточным единоборцем переглянулись.

– Ты понимаешь, что представляет собой этот демон? – спросил Рыбин Гранат.

– Энергетический вампир.

– Какой еще вампир, это днем было! – возмутилась Милена, но Рыбин Гранат ее не слушал.

– У нас это несколько по-иному называлось, но природа его ясна. Он пьет души, и за счет этого набирает силу.

– Неважно, как назвать, важно, как действовать. Мне проще, нас учили ставить психо-физическую защиту против таких явлений.

– Я тоже знаю несколько приемов. Как ты думаешь, мальчика можно успеть научить?

– Не уверена.

– Тогда отправляем детей в тыл.

На протяжении нашего диалога Милена по инерции что-то ворковала, потом стала при-слушиваться и, наконец, возмутилась.

– Вы о чем? Разве мы не возвращаемся в Волкодавль немедленно?

– Вообще-то у меня другие планы, – сказала я.

– И у меня, – гордо заявил Хэм.

– И у меня, – пискнула Малютка Шапоруж.

– И у меня, – к моему глубочайшему удивлению произнес Рыбин Гранат.

Царевна, однако, была удивлена еще больше.

– Как? Разве вы сюда явились не меня освобождать?

Мы хором промолчали.

– Ядрена Феня! А я так радовалась, что вас встретила... – Она надула губки, несколько мгновений молчала, а затем просияла. – Тогда я остаюсь с вами.

– Что?! – возопили мы уже сложившимся хором.

– Уж лучше так, чем одной по лесу скитаться, в холоде и голоде, об землю ножки бить, от диких зверей и чудищ скрываться!

– Но, мадам, – заторопился Рыбин Гранат, – тропинка, ведущая к реке, совершенно безопасна, а туземцы дружелюбны. Продуктами мы вас снабдим, не сомневайтесь... – он беспомощно посмотрел на меня.

– У меня и так дети на руках, – буркнула я, – не хватает еще бабу на шею сажать.

– Вы что, думаете, я слабая женщина? То есть, я, конечно, слабая, – спохватилась Милена, – но не до такой степени. Вот, вот, посмотрите, – она обнажила руку, демонстрируя ее крепость, затем, сквозь разорванное платье – ногу. Теперь уже не только Хэм пялился на ее прелести, но и Рыбин Гранат. – Опыт лишений и странствий имеется, в тягость вам не буду, а то и помочь могу!

– Тебе смерти захотелось? Или славы?

Мне эта идея совсем не нравилась. Знаем мы эти квесты, когда герой, продвигаясь к цели, постоянно обрастает боевыми формированиями, которые по своим качествам (а то и по количеству) приближаются к армии. Для пущей чувствительности все участники формирования обычно слагают головы у самой цели, потому как что же с ними после делать (с участниками, не с головами). Оно, может, и трогательно, но не мой стиль.

– К тому же, – промолвила Милена, улыбаясь восточному единоборцу, – ты мне очень нравишься. И ты тоже, – она перевела свои прекрасные глаза на Хэма. Затем некоторое мгновение разглядывала меня, не без сомнений во взоре, после чего великодушно добавила: – И ты тоже...

Слава всем богам, Малютку Шапоруж она исключила из списка, или просто не обратила на нее внимания. Иначе бы я пришибла ее, не дожидаясь появления демона.

Нет, все. Хватит! Лучше уж двигаться вперед. По крайности, все будут заняты. Царевну мы загрузили на одну из вьючных лошадей, и она трусила в хвосте процессии, пока Рыбин Гранат проводил инструктаж молодняка.

Режьте билеты, режьте билеты,
Режьте осторожно
Перед вами, перед вами
Пассажир дорожный...

– Ничего не понимаю! – сердился Хэм. – Мало того, что Конни все время слова какие-то темные говорит, еще ты ересь всякую учить заставляешь!

– Это не ересь, а заговор, очень древний и сильный. Вы, ребята, главное не вдумывайтесь, а повторяйте это постоянно, хоть про себя, хоть вслух, и никакой демон Лахудра вам не будет страшен.

Мне оставалось лишь согласиться с Рыбином. Для того, чтобы научить иным методам защиты, потребовалось бы слишком много времени и сил.

Нам было известно, что демон нападает независимо от времени суток, так что сидеть на месте и ждать не было смысла. Но следовало решить еще один вопрос.

– Рыбин, ты как сражаться предполагаешь – пешком или конным?

– А ты?

– Лучше на своих двоих. Я же не паладин какой, прости господи.

– А мне, в общем-то, все равно. И будь мы на открытом месте, согласился бы на конный бой. Но мы ведь в лесу.

– Это ты удивительно точно подметил... Стало быть, не будем ломать конягам ноги.

– Это как же, в бой – и без коня? – возмутился Хэм. – Я так не согласен.

– А ты во время боя будешь сидеть в самой дальней дали и этих самых коней сторожить.

– Что же я, по-твоему, трус?

– Моя задача – не храбрость твою проверять, а доставить до места живым и невредимым. И, кроме того, можешь считать, что тебе поручено охранять женщин и детей.

– Да кто их у нас когда охранял-то? Лошадей – это я понимаю...

– Разговоры! Задачу понял? Выполнять!

Прежде мне несколько раз приходилось сталкиваться с демонами, но не тех разновидностей, к которым принадлежал наш потенциальный противник. Но Финалгон рассказывал, что приближение энергетического вампира можно распознать по внезапному приступу головной боли – как перед сменой погоды. А поскольку погода меняться не собиралась, и пить до состояния «головка бо-бо» мне не приходилось уже давно, покалывание в висках означало, что Лахудра неподалеку.

Обследовав местность, мы отправили небоевую часть нашего отряда в темную балку, на дне которой журчал ручей. Сами же отправились на избранные нами позиции. Разумеется, предложений сражаться бок о бок не выдвигалось, а Рыбин Гранат вовсе не рвался доказывать свой героизм и бросаться в драку первым.

Я залегла в зарослях орешника, откуда неплохо просматривалась тропинка. И вслед за приступом головной боли, узрела на ней существо, очевидно, являвшее собою демона. На тот момент он был примерно человеческого роста. И напоминал человека, но только нарисованного очень маленьким ребенком. Руки-ноги многосуставные, грудь непомерной ширины... может, потому, что замешала голову, поскольку голову ребенок нарисовать забыл. Цвета он был бурого, в его широченной груди (голове?) виднелось квадратное белое пятно. Как окошко. Только стекло его заменяла колыхающаяся тестообразная масса. Из такой что угодно слепить можно.

Пора было ставить психозащиту. То, чем я собиралась воспользоваться, было, в сущности, вариантом того заговора, который твердил Рыбин Гранат. Использовать в качестве мозгового экрана не слова, а какую-нибудь дурацкую неотвязную мелодию – это не ново. Но попробуйте одновременно прокрутить у себя в голове не одну такую мелодию, а несколько. И каждую – в исполнении духового и симфонического оркестра. Это не всем удастся, а достигается лишь путем длительных тренировок. Но если вы этого добились, любой энергетический вампир вами подавится.

И-раз, начали, пошли! Все самые пошлые, самые тупые мотивчики, сочиненные самыми бездарными менестрелями и трубадурами, запетые и заболтанные повсюду – от королевских дворцов до заплеванных кабаков, возгремели в моем мозгу. И «Крыска моя», и «Я пошла с сумой», «Розовое солнце», «Мальчик головоногий», «Приоресса по имени Анна», «Понты запоздалые» и прочее, даже накрепко забытая «Горькая баланда» выплыла откуда-то из глубин памяти.

Теперь можно и работать. Арбалет я зарядила давно, и оставалось только разрядить его в цель. Что я и сделала. Болт воткнулся аккуратно посреди белой пакости и потонул в ней. Но, увы, на демона это оказало не совсем правильное действие. Он качнулся, повернулся как на шарнирах, а тестообразная масса вытянулась трубкой, обратилась хоботом и зашарила по воздуху. Сопровождаемая громом беззвучных оркестров, я сделала еще один выстрел, на сей раз целясь ниже, и метнулась в сторону. Ясно было, что демон меня не чувствует, но будет шарить вокруг себя, дабы обнаружить источник болезненных ощущений. Он подпрыгнул, при этом словно бы увеличился в размерах, и опустил на четыре конечности. И тогда Рыбин Гранат прыгнул ему на спину из своей засады на дереве. Прыгал он молча, без тех кошачьих воплей, коими любят сопровождать свои выпады другие единоборцы. В руках у него был меч. Не знаю, полоснул ли он себя перед прыжком клинком по пальцу. Может, и нет. Действия демона вполне подходили под дефиницию «нападение». Рыбин Гранат наискось рубанул демона, но то ли клинок прошел по скользящей, то ли шкура у Лахудры оказалась прочнее ожидаемой. Демон заметался, стремясь сбросить единоборца со спины. И в какой-то миг это ему удалось. При очередном скачке Рыбин Гранат отлетел прочь, врезался спиной в ближайшую елку и, ломая ветки, сполз на землю. Хобот Лахудры раздвоился и потянулся туда, где упал боец, но не дотянулся. Тогда туловище демона, как нас и предупреждали, стало давать отростки.

Я выдвинулась вперед со своим мечом (время кинжалов, по моему разумению, еще не пришло). В отличие от Рыбина, я метила не в туловище, а в сочленения конечностей демона. А туловище... интересно, Лахудра позвоночный или нет?

Мне удалось-таки отрубить одну лапу, а Рыбин Гранат, несмотря на то, что явно принадлежал к позвоночным, оклемался, поднялся на ноги и готов был ринуться в бой.

Но его опередили. Ломая кусты и вращая мечом, нашим взорам предстал Хэм.

– Режьте билеты! Режьте билеты! Режьте осторожно! Перед вами! Перед вами! Пассажир! Дорожный! – яростно завопил он, и быстренько добавил: – Это я про себя повторяю!

Демон Лахудра развернулся и, прыгая на трех ногах, устремился к Хэму. Клятые хоботы тянулись вперед, на глазах распахиваясь и превращаясь в пасти. Хэм попятился. Я метнула нож, надеясь срезать хоботы, однако он застрял в гуще отростков. Хэм снова отступил, одновременно замахиваясь мечом, и, не выдержав равновесия, ввергнулся в овраг, а хоботы Лахудры упали назад, на тулово, изогнувшись под немыслимым углом. Это напомнило мне картину, виденную в галерее изящных искусств Волкодавля – «Победа Ивана-царевича над Змеем Горынычем: Змей умирает от смеха».

Но демон Лахудра пока что не был побежден.

Поскольку головы у него, как вы помните, не было и ему было все равно, где перед, где зад, он умудрялся бросаться на меня и Рыбина Граната одновременно, и сколько бы ударов мы не наносили, это не причиняло Лахудре заметного вреда. Мы исполняли втроем на прогалине диковинный танец, и это па-де-труа могло продолжаться сколь угодно долго... Нет, менаж-а-труа – это совсем другое, это я вам после объясню.

Итак, я продолжала работать мечом и кинжалом, когда сквозь гром моих воображаемых оркестров пробился вполне реальный треск сухого дерева. Краем глаза я увидела, что одна из вековых сосен, окружавших прогалину, надломилась на два вершка от основания и падает в нашем направлении. Я отпрыгнула в сторону. Рыбин Гранат сделал то же самое. А вот демон Лахудра подобной прыти не проявил, он же не реагировал на неодушевленные предметы. Огромный ствол рухнул аккуратно поперек тулова Лахудры и, верьте не верьте, переломил его пополам.

– Наверное, он все-таки был позвоночный, – сказала я, с наслаждением вслушиваясь в гулкую тишину, воцарившуюся в моей голове.

Отростки тулова Лахудры с хрустом отламывались, хоботы, снова ставшие тестообразной массой, втягивались внутрь.

– Сейчас развоплощаться начнет, – прокомментировал Рыбин Гранат. – Очень вовремя сломалось это дерево, ты не находишь?

– Постой, он только сам развоплотится, или сопутствующие предметы утянет в небытие? В нем же болты мои и нож метательный!

– Не знаю...

– Слушай, ты сходи посмотри, как там Хэм в овраге и прочие. А я пока оружие свое приберу...

Заодно мне надо было проверить кое-какие догадки, но единоборцу я об этом не сказала.

Хэм сверзился удачно, ничего себе не сломал. Милена обнаружилась в непосредственной близости от места сражения – ей, видите ли, хотелось посмотреть, а в случае чего она успела бы убежать...

Через некоторое время подтянулась и Малютка Шапоруж, и весь наш маленький отряд оказался в наличии. Существенные потери понесли только шальвары Рыбина Граната, порванные об елку.

Малютка Шапоруж заявила, что после такого испытания воинам срочно необходим отдых и плотный горячий обед, и потому она немедленно удаляется собирать хворост для костра. Хэм отнюдь не возражал против обеда, а особенно – против отдыха, и попытался было приступить к последнему, но я погнала его поить-кормить лошадей, поскольку он не отработал еще свою штрафную неделю. А заодно, в качестве утешительного приза, разрешила обследовать наши съестные припасы.

Царевна Милена тоже решила подключиться к трудовому процессу и предложила заштопать шальвары единоборцу. Я, в свою очередь, сказала, что пойду помогу Малютке

Шапоруж с хворостом. А то мало ли что – ребенок один в лесу, где звери и чудища. Отчасти я сделала это, чтобы Рыбин Гранат мог совлечь пострадавшую деталь туалета без лишних свидетелей. Я надеялась, что с починкой одежды Милена как-нибудь справится. Все-таки рукоделие в образовании высокородных девиц занимает едва ли не главное место. Если же у нее была другая цель, скрытая за теми же шальварами – что ж, боец заслужил, и не мне ему мешать.

И я стала взбираться по склону оврага. Как вы наверняка заметили, я – особа не мелкая. Скорее даже наоборот. Поэтому создается впечатление, что при моем проходе по лесу треск и топот должен стоять невообразимый. И для пользы дела я старалась это впечатление поддерживать. Но, если жизнь заставляет, я могу ходить очень тихо. Даже по такому лесу, как в Заволчье. Поэтому Малютка Шапоруж, шарившая по истоптанной прогалине, где недавно валялась расточившаяся туша демона, услышала меня, когда я оказалась непосредственно у нее за спиной.

– По-моему, хвороста здесь нет. – Она резко обернулась. – Да и не хворост ты ищешь... Может, вот это?

Я разжала кулак и показала ей лежащие на ладони сюрикены.

– Откуда это у тебя?!

– Из демона выковыряла. Вместе со своими стрелами.

– Это не мое, – быстро сказала она.

– И бабушка гостинцев не получит... Да брось ты, дурашка, разве ж я против? Ты Хэму этим жизнь спасла. И нам, возможно, тоже. Я видела людей, которые ногой кирпичную стену прошибали, но такое дерево сломать потруднее будет.

– А может, это не я была, а Милена. Она тоже поблизости шныряла, – упорствовала Малютка.

– Не пори муру. У Милены и замах руки не тот, и постав ноги... Может, хватит придуриваться, а? «Матушка послала к бабушке с гостинцами», это ж надо такое придумать! Спецназ Маленького Народца, верно? Подразделение «Краповый Беретик».

– Откуда ты знаешь? Оно же строго засекречено!

– А, мало ли что я знаю... Нам про вас Финалгон лекцию читал.

– Проклятый ренегат!

– Не скажи, нормальный мужик. Временами.

Она цапнула у меня сюрикены и спрятала в корзинку. Затем стащила с головы берет и вывернула, продемонстрировав краповый испод.

– Ты угадала. Я здесь со спецзаданием. Операция «Санитарки леса». И это никак не связано с тобой и твоими спутниками. И даже с этим злосчастным монстром, которого пришлось прикончить. Хотя отслеживаю я именно монстра. По сведениям нашего руководства где-то в этих краях обретается страшная маньяковидная бокасса, известная тем, что жрет все, что шевелится. Но, видимо, вышла ошибка. Наблюдатели приняли за бокассу кого-то из местных волков.

– А к нам зачем привязалась?

– Вы мне были поначалу подозрительны. Поскольку упорно утверждали, будто не охотники.

– Было такое... В Суверенном Оркостане ты уже побывала?

– А где это?

– Как раз в той стороне, откуда, по твоим словам, ты явилась. Тебе лучше поискать свою бокассу там, если орки ее раньше сами не съедят. У них это запросто. А вашему руководству следует тщательнее разрабатывать легенды, с учетом местной специфики. Тебе еще повезло, что большинство жителей Заволчья склонно к пофигизму...

– Но ты не собираешься меня разоблачать?

– Нет, конечно. У тебя своя работа, у меня – своя. А теперь поищем, в самом деле, хворост. Хочется верить, что к нашему возвращению Милена закончит с шароварами и с их владельцем.

Когда мы спускались к месту привала, Малютка Шапорож (Краповый Беретик?) проворчала:

– Легенды, легенды... Нечего на руководство катить. Сама виновата, что засветилась. Но не могла я смотреть, как этот болван прет на верную смерть. А на царевну демон почему-то не реагировал. Интересно, с чего бы? Не похоже, чтоб Милена знала методы психозащиты.

– Так Лахудра же – душераздирает. А у Милены души нет, одни инстинкты.

То, что наши разговоры неизменно сводились к Милене, ухудшило мое настроение. Ибо, покончив с одной проблемой, мы вернулись к предыдущей: что делать с царевной? Тащить ее дальше я не собиралась. Хотелось бы верить, что в наше отсутствие Милена сумеет так обработать восточного единоборца, чтоб он согласился отвезти ее в Волкодавль. Кстати, это заодно избавило бы нас и от другого незваного попутчика. И это было слишком хорошо, чтобы осуществиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.